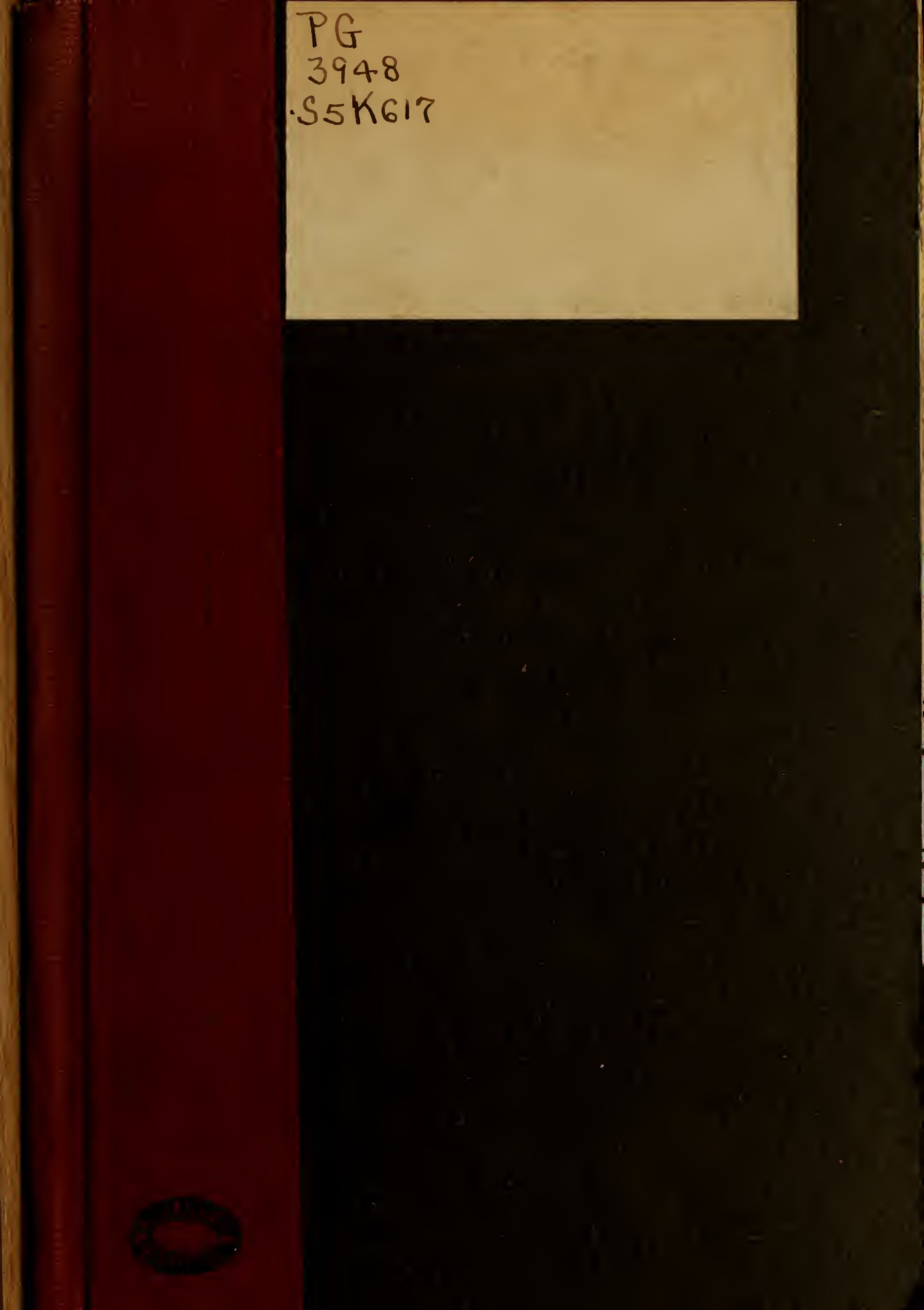


THE LIBRARY OF CONGRESS

КОБЗАРЬ

Т. Г. ШЕВЧЕНКА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

Н. А. Чмырева.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ Н. И. МАМОНТОВА.
1874.

Т. Шевченко

КОБЗАРЬ

Т. Г. ШЕВЧЕНКА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

Н. А. Чмырева.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ Н. И. МАМОНТОВА.
1874.

Дозволено цензурою. Москва, 14 декабря 1873 года.

Типографія А. И. Мамонтова и К⁰. Леонтьевскій пер., № 5.

МАРЬЯНА.

Поэма.

МАРЬЯНА.

ПОЭМА.

Въ воскресенье на выгонѣ
    Дѣвицы гуляли,
Забавлялись съ молодцами,
    Пѣсни распѣвали:
Про веселье, вечеринки,
    Какъ родная била,
Чтобы съ парнемъ вечерами
    Стоять не ходила....
Поютъ пѣсни, веселятся
    Красныя дѣвицы,
Взоры нѣжные на парней
    Льютъ изъ-подъ рѣсницы....
Вотъ старикъ—слѣпецъ съ ребенкомъ
    По селу плетется,
За плечами мѣшокъ рваный
    Съ кобзою *) трясется.

---

*) *Кобза*, музыкальный инструментъ, употребляемый въ Украйнѣ.

Сапоги въ рукахъ. А мальчикъ—
Бѣдняжка ребенокъ,
Весь оборванный, за грязью
Не видать ноженокъ—
Сейчасъ видно, что сиротка...
„Дѣвицы, смотрите,
По селу кобзарь плетется,
На встрѣчу спѣшите!“
Парней бросили, толпою
Встрѣчать побѣжали.
„Кобзарь милый, сыграй пѣсню,“
Они закричали:
„Я дамъ денегъ, я черешень,
Медомъ напою я;
Въ это время отдохнешь ты,
А мы потанцуемъ!
Заиграй же веселую!“
—Ладно, дѣтки, ладно,
Васъ потѣшилъ бы за ласку,
Да вотъ что досадно:
Былъ вчера я на базарѣ—
Кобза изломалась,
Развалилася.
„А струны?“
— Только три осталось.
„Хоть на трехъ съиграй намъ пѣсню“
— На трехъ?... Эхъ, голубки,
На одной игралъ когда-то!—
Теперь не тѣ руки...
Погодите, мои дѣтки,
Отдохну немного.
Садись, мальчикъ.
И усѣлись.

Развязалъ мѣшочекъ,
Вынулъ кобзу и ударилъ
По струнамъ по рваньмъ.
— Что же спѣть вамъ?.. Погодите,
Спою про Марьяну...
Вы слыхали эту пѣсню?
Слушайте, дѣвицы,
Хорошенько...
Давно въ селѣ
Жила молодица,
Былъ и мужъ, его не стало—
Осталась вдовою;
Охъ, осталася вдовою,
Да не молодою,
И съ волами, и съ возами,
Съ дочкой небольшою.
Росла дочка—Марьяночка,
Выросла какъ панна:
Чорны брови, кари очи—
Хоть и за гетмана.
Пришло время, мать-старуха
Зятя все искала,
А Марьяна каждый вечеръ
Стоять выбѣгала;
Да не къ пану богатому,
Старику сѣдому,
А къ казаку высокому,
Петру молодому.
Съ нимъ смѣялася, шутила,
Обнимала, млѣла,
Въ раю жила.... а порою
Плакала, нѣмѣла.
„Что ты плачешь, моя пташка?“

Петръ ее пытаетъ.
Она взглянетъ, улыбнется
И сама незнаетъ.
„Иль ты думаешь, родная,
Что тебя покину?
Нѣтъ, любить тебя я буду,
Пока самъ не сгину.
Развѣ было такъ на свѣтѣ,
Чтобъ тѣ, что клялися
Любить вѣчно, расходяся
Живы осталися?...“
— Все пустое, мой голубчикъ,
Въ пѣсняхъ распѣваютъ
Кобзари тѣ небылицы;
Вѣдь слѣпцы не знаютъ,
Вѣдь не видятъ, что есть брови,
Кари очи, черны;
Есть казацкій станъ высокій
И дѣвичій стройный;
Что есть косы, черны косы,
Что во мнѣ есть сила,
Чтобъ на слово на Петрово
И въ глухой могилѣ
Откликнуться.... сказать ему:
Орелъ сизокрылый!
Люблю тебя въ этомъ мірѣ,
Какъ и въ томъ любила.
Вотъ такъ, сердце, обнимемся,
Вотъ такъ поцѣлую;
Пусть же вмѣстѣ закопаютъ—
Умру, все цѣлуя,
Не услышу....
Обнялися

Обнялись, замлѣли...
Вотъ какъ сильно полюбили!
На тотъ свѣтъ хотѣли,
Чтобъ въ томъ мірѣ любить вѣчно!
Да не по ихъ сталось.
Что ни вечеръ, сходилися,
А мать и не знала,
Гдѣ Марьяна до полночи,
Съ кѣмъ она гуляла.
„Она мала, дитя еще,
Ничего не знаетъ...“
Угадала мать-старуха,
Не все угадала:
Знать забыла, какъ дѣвицей
Весело гуляла.

Старуха узнала.... Марьяна дитя,
Марьяна не знала, какъ надобно жить!
Думала, что люди и даже могила
Съ Петромъ не разлучатъ: умѣла любить;
Думала, что въ пѣсняхъ только распѣваютъ
Кобзари, не видя дѣвичьихъ очей;
Думала, что только напрасно пугаютъ,
Не видя дѣвичьихъ, какъ соболь, бровей.
Пугаютъ, дѣвицы, правдою пугаютъ!
И я васъ пугаю, вѣдь я горе знаю.
Лучше-бъ въ этомъ мірѣ никогда не знать
Того, что я знаю... Да все миновало,
Сердце не уснуло, я васъ не забылъ:
Люблю васъ донынѣ, какъ прежде любилъ!
Буду пѣть вамъ пѣсни, пока хватитъ силы;
Когда же умру я, тогда изъ могилы
Я вамъ улыбнуся.....

Заболтался,—ну, простите
Старику сѣдому!
Такъ вотъ видите-ль, Марьяна
Къ Петру молодому
Что ни вечеръ выбѣгала;
А мать и не знала,
Удивлялась, что такое
На дочку напало?
Что-то странное: шить сядетъ—
Не то вышиваетъ;
Ужъ не *Грицяя*, а *Петруся* *).
Пѣсню распѣваетъ;
Часто ночью во снѣ бредитъ,
Подушку цѣлуетъ...
Мать сначала смѣялася,
Думала: „балуетъ".
Потомъ, видя, что не шутки,
Говоритъ Марьянѣ:
„Сватовъ время ожидать намъ
Можетъ и отъ пана:
Ты ужъ выросла, не мало
Въ дѣвицахъ гуляла.
Я ужъ думаю, что время...
(Насилу сказала)
Тебѣ замужъ собираться...
— За кого же, мама?...
„Кто сватовъ пришлетъ къ намъ, дочка!"
И плачетъ Марьяна:
„Миновалось мое счатье,
На вѣкъ съ нимъ разсталась!
Зачѣмъ вчера, какъ вернулась,

*) *Грицяя* и *Петрусь*—народныя пѣсни.

Жива я осталась?
Легче-бъ было мнѣ въ могилѣ
Лежать одинокой,
Легче-бъ было мнѣ дѣвицѣ,
Почивать въ глубокой!
Тогда можетъ мать-старуха
Надъ моей могилой
Заплакала-бъ, пожалѣла
О дочери милой.
А теперь ужъ не заплачетъ,
Слезы не уронитъ,
А горя-то, горя будетъ,
Пока похоронятъ...“

Вотъ такое-то, голубки,
На свѣтѣ бываетъ:
Одна дочка у матери—
Да и та страдаетъ....
Все гуляетъ по садочку,
Слезы утираетъ;
Взглянетъ грустно на солнышко—
Жжетъ, а не сіяетъ—
Словно съ неба высокаго
Смѣется надъ нею.
Вѣдь не знаетъ, что Марьяна
Рада-бъ подъ землею
Скрыться дальше отъ матери,
Чтобъ не слышать снова
Того слова, что слышала....
Проклятаго слова!
Оно зайдетъ, ночь настанетъ,
Тихо на долинѣ,
А дѣвица ходитъ, бродитъ

Въ горѣ, да кручинѣ.
Казакъ выйдетъ чернобровый,
Ее приласкаетъ,
И про горе, про кручину
Нѣжно распытаетъ;
Словно братъ родной утѣшитъ,
Слезъ горючихъ море
Онъ осушитъ и распроситъ
Про лютое горе.
Марьяна не знала, чего сердце ноетъ,
О чемъ плачутъ очи.—Да зачѣмъ и знать?
Вѣдь клонится тополь, куда вѣтеръ клонитъ,
Тяжко ему, тяжко на степи стоять.
Вѣтеръ утомится, тополь отдохнетъ,—
Вотъ такъ и дѣвичья кручина минетъ.
Неожидано Марьяна
Горе повстрѣчала.
Пѣла пѣсни, иногда же
Слезы проливала;
И не знаетъ, чего плачетъ....
Сердце словно чуетъ,
Разсказать же не умѣетъ
Того, что вѣщуетъ.
И вотъ вечеромъ, старуха
Когда засыпала,
Вышла слушать соловушку,
Словно не слыхала;
Вышла въ садикъ, послушала
И сама запѣла.
Замолчала, подъ яблоней
Тихохонько сѣла,
Заплакала, какъ ребенокъ,
Страшно зарыдала....

Петръ пришелъ, но за слезами
    Его не видала:
„Отдай меня, родимая,
    Только не сѣдому;
Отдай меня, мое сердце,
    Петру молодому.
Пускай старикъ работаетъ,
    Деньги добываетъ;
Молодой же меня любитъ,
    Счастья мнѣ желаетъ.
Онъ не бродитъ, не блуждаетъ
    Чужими степями,—
Свои волы, свои возы....
    И межъ казаками
Онъ какъ макъ на огородѣ
    Цвѣтетъ, процвѣтаетъ.
Есть и поле, есть и воля,—
    Доля погибаетъ.
Его доля—мои брови,
    Мои кари очи;
Для него я все на свѣтѣ,—
    Счастья мнѣ онъ хочетъ.
И въ оковахъ, родимая,
    Да не сиротою;
Только, сердце, чтобы плакать,
    Чтобы пѣть со мною,
Отдай меня за милаго,
    Петра дорогаго.“

Галка черная, надъ полемъ
    Пролетая, крячетъ;
Черноокая дѣвица,
    Бродя въ лѣсу, плачетъ.

Летитъ галка надъ лѣсами,
Чтобъ гулять на полѣ:
Свѣтъ дѣвицѣ опостылѣлъ,
Тяжко жить въ неволѣ.
Не пускаетъ ужь старуха
Утромъ на криницу,
Не пускаетъ жать на полѣ
И на вечерницу, *)
Гдѣ дѣвицы съ казаками
Играютъ и шутятъ,
Про нее же несчастную
Межъ собою судятъ:
„Богатаго отца дочка,
Шляхетскаго рода“.
Тяжко, тяжко, родимая,
Тяжела невзгода.....
Зачѣмъ брови подарила,
Красу, кари очи?
Ты все дала, только счастья,
Счастья дать не хочешь!
Зачѣмъ холила меня ты
И зачѣмъ ростила?
Пока горя я не знала,
Что не схоронила?
Пошла въ садикъ.... Сердце млѣетъ,
Какъ вспомнитъ про пана.
Сердце мое, рыбка моя,
Марьяна, Марьяна!
Подождите. .. вотъ запѣла. .
Эхо повторяло....
Не про *Гриця*, про *Петруся*

---

*) *Вечерница*-руская вечеринка.

Она распѣвала.
Запоетъ — и перестанетъ:
Послушаетъ снова;
Голосокъ ужь утомился,
А Петрова слова
Все не слышитъ. Не зоветъ ужь,
Не кличетъ: „Марьяна!
Гдѣ ты пташка, выйди, сердце,
Выйди, моя панна!“
Нѣтъ нигдѣ, нигдѣ не видно....
Неужель покинулъ
Сиротою онъ Марьяну
Въ горѣ, да кручинѣ?
Мы увидимъ.... Въ это время
Марьяна блуждаетъ
Въ лѣсу темномъ, какъ русалка,
Луну ожидаетъ.
Не поетъ уже дѣвица,—
Плачетъ, да рыдаетъ.
Страшно горе чернобровой
Сердце разрываетъ.
Утомилась бы дѣвица—
Устали не чуетъ,
Безъ милаго въ лѣсу, полѣ,
Гуляя, ночуетъ.
Весь востокъ ужь закраснѣлся,
Въ небѣ звѣздъ не стало,
Не идетъ ужь съ лаской нѣжной
Милый, какъ бывало.
Пришла въ хату, спитъ старуха.
На нее взглянула:
„Ты, родимая, мнѣ сердце
Змѣей обвернула...

Да за что-жь, за что, родная,
Дочку ты сгубила?“
И въ постель упала, словно
Въ темную могилу.

НЕОФИТЫ.

Поэма.

НЕОФИТЫ.

ПОЭМА.

I.

Давно то было и Россіи
Никто тогда еще не зналъ.
Когда въ Италіи росла
Младая дѣва: красотою,
Красою чистою, святою
Она какъ лилія цвѣла.
И глядя мать на дочь свою,
Помолодѣла. Для нея
Искала мужа и нашла
И, помолившись Гименею,
Въ своемъ веселомъ гинекеѣ,
Въ чужой веселый отвела.
И вскорѣ дѣва родила
Алкида—сына; помолилась
Своимъ пенатамъ за него,
И въ Капитолій приносила

Большія жертвы, и просила
Капитолійскій весь синклитъ,
Чтобъ первенца ея хранили
Святые идолы. Горитъ
И день и ночь передъ пенатомъ
Святой огонь. Печется мать
О сынѣ; сынъ ея ростетъ;
О немъ заботятся гетеры,
И передъ идоломъ Венеры
Огни священные горятъ.

II.

Въ то время ужъ взошла заря
Надъ Виѳлеемомъ: правды слово,
Любви и истины, добра
Заря всемірная взошла
И миръ, и радость принесла
На землю людямъ. Фарисеи
И вмѣстѣ съ ними Іудея
Пришла въ движенье: начала
Шипѣть, какъ гадина въ болотѣ,
И Сына Божьяго во плоти
На лобномъ мѣстѣ распяла
Между злодѣями; и спали,
Упившись кровью, палачи...
Твоею кровью!... а Ты
Возсталъ изъ гроба! Встало Слово,
И слово правды понесли
Вездѣ апостолы Твои.

III.

Въ лѣсу надъ Аппія дорогой
Происходилъ веселый пиръ.
Тамъ пировалъ Алкидъ веселый
Въ веселомъ обществѣ гетеръ.
Но вдругъ идетъ апостолъ Петръ
И, идя въ Римъ благовѣстить,
Зашелъ онъ въ лѣсъ, чтобъ опочить
Въ тѣни деревъ.
„Миръ, дѣти, вамъ"!
Сказалъ апостолъ утомленный,
Веселый пиръ благословилъ
И тихимъ, добрымъ, кроткимъ словомъ
Онъ о Христѣ заговорилъ.
И всѣ, кто былъ на томъ пиру—
Алкидъ веселый и гетеры—
Всѣ, всѣ упали на колѣни
Передъ святымъ и, вставъ съ земли,
Его въ чертоги повели.

IV.

Въ палатахъ оргія: горятъ
Въ огняхъ чертоги, клубы дыма
Волнами носятся, и дѣвы,
Едва одѣтыя, сидятъ
Передъ Кипридою и хоромъ
Поютъ всѣ гимнъ. Пріуготованъ

Веселый пиръ, и всѣ легли
На ложахъ гости... Шумъ и говоръ!
Гетеры гостя привели
Сѣдаго, стараго; и слово
Изъ устъ апостола святаго
Живымъ потокомъ полилось.
И стихла оргія.... А жрица
Киприды, оргіи царица,
Поникла радостнымъ челомъ
Передъ апостоломъ и встала,
И всѣ за нею повставали,
И за апостоломъ пошли
Всѣ въ катакомбы. Твой любимый,
Твой сынъ Алкидъ пошелъ за ними
И за апостоломъ святымъ,
Своимъ учителемъ благимъ.
А ты? ты вышла на дорогу
Встрѣчать Алкида?.. Долго, долго
Тебѣ его придется ждать,
Придется плакать и рыдать,
Судьбу, рыдая, проклинать.

V.

На крестѣ
Петра апостола распяли,
А неофитовъ угоняли
Всѣхъ въ Сиракузы. И твой сынъ,
Твой сынъ Алкидъ, твое дитя
Гніетъ въ оковахъ, въ кандалахъ.
А ты, несчастная, не знаешь,

Гдѣ онъ гніетъ, гдѣ онъ страдаетъ?
Напрасно въ Скиѳію пошла
Его искать: ты не нашла.
Да ты-ль одна? Святая Дѣва,
И заступи васъ, и укрой!
Нѣтъ той семьи и нѣтъ жилища,
Нѣтъ брата, мужа, нѣтъ сестры,
Чтобы не въ трäурѣ ходили;
Чтобъ не томилися въ тюрьмѣ
Или далекой сторонѣ,
Въ британскихъ, галльскихъ легіонахъ
Они не мучились!... Неронъ,
Неронъ жестокій! Божій судъ
Правдивый, строгій, средь дороги
Тебя осудитъ!.. Прилетятъ
Со всѣхъ сторонъ убитыхъ тѣни
Въ твой смертный часъ, и окружатъ
Тебя въ послѣднія мгновенья
Въ оковахъ, и.... тебя простятъ...

VI.

Вездѣ искала
Алкида мать, но не нашла
И въ Сиракузы уплыла;
И тамъ уже въ чужой странѣ
Нашла въ оковахъ и тюрьмѣ.
Но повидаться не пускали.
И у воротъ острожныхъ стала
Мать ожидать, какъ сынъ Алкидъ
Мимо нея въ оковахъ тяжкихъ
Пройдетъ, чтобъ улицы мести.

VII.

А въ Римѣ праздникъ,
Великій праздникъ. Весь народъ
И всего царства воеводы,
Преторіяне и сенатъ,
Жрецы и ликторы стоятъ
Вкругъ Капитолія, и хоромъ
Поютъ всѣ гимнъ, и курятъ дымъ
Съ кадилъ и амфоръ. И съ соборомъ
Идетъ самъ кесарь; передъ нимъ
Торжественно его статую
Литую, мѣдную несутъ.
Аристократы присудили
Въ сенатѣ кесаря назвать
Самимъ Юпитеромъ. Рѣшили
Всѣмъ воеводамъ написать,
Что кесарь—Богъ, что выше Бога,
И дали мастерамъ ковать
Статую кесаря; къ тому же
Прибавили; что этотъ Богъ
Будетъ и миловать. Народъ
Толпой огромной прибывалъ
На римскій праздникъ. Приплыла
Изъ Сиракузъ и та бѣдняга
Молиться кесарю и Богу
Да и одна-ль она? О, Боже!
Пришли ихъ тысячи въ слезахъ
Изъ странъ далекихъ.....
Горе съ вами!
Кому молиться вы пришли?

Кому вы слезы принесли?
Кому вы принесли съ слезами
Свою надежду? Горе съ вами!. ..
Молитесь Богу одному
И только.....................

VIII.

IX.

На третій день уже пустили
Молить царя за христіанъ.
И ты пришла, и ты молилась,
И милосердный истуканъ
Велѣлъ привесть изъ тюрьмъ далекихъ
Въ оковахъ тяжкихъ христіанъ.

X.

Пошла встрѣчать Алкида мать
На берегъ Тибра и тамъ долго
На берегу крутомъ стояла,
Какъ будто темная скала,
Не плакала и не рыдала,
И взоръ печальный свой бросала
На волны Тибра.
Далеко
Галера по волнамъ плыветъ,
Въ оковахъ христіанъ везетъ;
И твой любимецъ, твой Алкидъ,

Закованъ тамъ. Не неофитъ—
Апостолъ онъ Христова слова...
Вотъ онъ каковъ!...

XI.

Какъ колоколъ, звенятъ оковы
На неофитахъ; а твой сынъ,
Любимецъ твой, апостолъ новый,
Перекрестяся, возгласилъ:
„Молитесь, братія, молитесь
За кесаря; всегда его
Въ своихъ молитвахъ поминайте,
Но предъ идоломъ его
Головъ своихъ не преклоняйте:
Молитва Богу одному!...
Ужъ наши внуки зачались,
И выростутъ они когда-то;
Но мстить не будутъ тѣ внучата:
Христовы воины они!
И безъ огня, и безъ ножа—
То войско Божіе воспрянетъ,
И тьмы, и тысячи поганыхъ
Предъ войскомъ въ страхѣ побѣгутъ.
Молитесь братія!“
Молились.
Молились всѣ передъ крестомъ.
Молились радостно!...Хвала,
Хвала вамъ, души молодые!
Хвала вамъ, рыцари святые,
Во вѣкъ и вѣки похвала!

XII.

И въ Римъ галера приплыла.

. . . .

Пируетъ Римъ, и предъ кумира
Везутъ возами ладанъ, мѵро,
Толпами гонятъ христіанъ
Всѣхъ въ Колизей.... И вскорѣ тамъ
Кровь полилась. Пируетъ Римъ:
И гладіаторъ, и патрицій—
Всѣ опъянѣли. Кровь и дымъ
Ихъ упоилъ. Развалинъ славу
Римъ пропиваетъ. Тризну правитъ
По Сципіонамъ. О, жестокій,
Презрѣнный старецъ, пиршествуй
Въ своихъ гаремахъ! На востокѣ
Заря святая ужъ взошла,
И судъ, и правду принесла!
И скоро, скоро надъ тобою
Исполненъ будетъ приговоръ
Суда правдиваго, святаго!..

XIII.

Второй ужъ день
Реветъ арена. На аренѣ
Лидійскій золотой песокъ
Покрылся пурпуромъ багрянымъ;
А сиракузскихъ назареевъ

Не приводили въ Колизей.
На третій день и ихъ въ оковахъ
Толпой на бойню повели.
Арена звѣремъ заревѣла,
А сынъ твой гордо на арену,
Произнося псаломъ, вступилъ.
И Кесарь страшно завопилъ,
Заскрежеталъ. И леопардъ
Изъ клѣтки выскочилъ на сцену,
Вскочилъ, взглянулъ... и полилась
Святая кровь.... По Колизею
Ужаснымъ громомъ пронеслась
И стихла буря!... Гдѣ-жъ была
Ты, мать Алкида?...
Она осталася одна
Съ мольбой и просьбою во взорѣ.
Да что-жъ ты сдѣлаешь? „О, горе,
О, горе лютое мое!
Моя ты доля! Безъ него
Что буду дѣлать? И къ кому
Я приклонюся?“ И бѣдняга
Вокругъ взглянула и въ чаду
О камень старой головою
Ударилась... и кровь рѣкою
Изъ ранъ тяжелыхъ полилась.
Отъ мукъ сознанія лишась,
Она упала подъ ворота.

XIV.

Свѣжесть ночи оживила
Угасшія силы:

Мать Алкида очнулася
 У могилы сына.
Очнулася, поднялася,
 Вокругъ посмотрѣла,
Тихо, тихо заплакала,
 Что-то прошептала...
. . . .
За кого-жъ дитя родное
 Въ тюрьмѣ угнетали?
За кого-же и за что
 Звѣри растерзали?
И задумалась бѣдняга,
 Ноги подкосились;
Словно колосъ, серпомъ сжатый,
 Она наклонилась.
 Но вскорѣ
Ворота раскрылись.
На возахъ, на колесницахъ
Изъ Колизея, изъ бойницы
Святыя вывезли тѣла,
Чтобъ бросить въ Тибръ.
 И встала мать,
Кругомъ взглянула и взяла
Всю въ ранахъ голову руками,
И тихо, тихо за возами
Какъ туча черная, пошла
На Тибръ. А скиѳы-дикари,
Погоньщики, рабовъ рабы
Подумали: „сестра Морока
Изъ ада вышла провожать
Туда же Римлянъ.“ Побросали
Всѣ трупы въ воду. И назадъ
Съ возами Скиѳы возвращались;

А ты осталася одна
На берегу и все смотрѣла,
Какъ расходились, разстилались
Круги широкіе надъ нимъ,
Надъ сыномъ праведнымъ твоимъ,
Смотрѣла все. И не осталось
Слѣда живаго на водѣ;
И усмѣхнулася тогда,
И страшно, страшно зарыдала,
И помолилась, въ первый разъ,
За насъ Распятому; и спасъ
Тебя распятый сынъ Маріи,
И ты слова Его живыя
Въ живую душу приняла
И на базары, и въ чертоги
Живаго, истиннаго Бога,
Ты слово правды понесла!

ГАЙДАМАКИ.

Поэма.

ГАЙДАМАКИ.

ПОЭМА.

ПРОЛОГЪ.

Была прежде шляхетчина
Важной госпожею,
Вела борьбу съ Москалями,
Султаномъ, Ордою
И съ Нѣмцами... Была, была...
Да что не бываетъ?
Прежде шляхта знай кичится,
День и ночь гуляетъ,
Королями, какъ пѣшками,
Гордо помыкаетъ.
Не скажу того про Яна
Собіесскаго, Степана,
А другими. Тѣ бѣдняги
Молча пановали.
Сеймы, сеймики ревѣли,
Сосѣди молчали
И смотрѣли, какъ изъ Польши
Короли уходятъ;

Удивлялись, какъ шляхетство
Кричитъ, оретъ, воетъ:
„Nie pozwolam, nie pozwolam“!
Кричитъ всякъ, кто̀ хочетъ;
А магнаты палятъ хаты,
Свои сабли точатъ.
Долго, долго былъ у Ляховъ
Порядокъ таковскій,
Пока не сѣлъ на престолѣ
Храбрый Понятовскій.

Зацарствовалъ и думалъ шляхту
Къ рукамъ прибрать, но не съумѣлъ
Хотѣлъ добра онъ всѣмъ, какъ дѣтямъ,
Еще чего нибудь хотѣлъ—
Одно словечко: „niepozwolam“
Хотѣлъ у шляхты отобрать.
Потомъ... Вся Польша запылала.
Поляки начали кричать:
„Slowo honoru! darma praca!
Слуга, наемникъ Москаля!„
На зовъ Пулавскаго и Паца
Встаетъ шляхетская земля
И разомъ сто конфедерацій.

Разбрелись конфедераты
По Польшѣ, Волыни,
По Молдавіи, Литвѣ
И по Украинѣ;
Разбрелися и забыли
Волю защищать:
Подружилися съ жидами,
Стали пировать;

Разрушали, убивали,
Церкви жгли, палили.
Въ это время Гайдамаки
Ножи освятили.

ГАЛАЙДА.

„Ярема, *херстъ-ду*, хамскій сыну,
Пойди кобылу приведи,
Подай пантофли господину,
Да принеси скорѣй воды.
Внесешь дрова и печь затопишь,
Засыпешь корму лошадямъ,
Коровъ на пастбище угонишь...
Да живо, слышишь, живо, хамъ!
Потомъ отправишься въ Вильшаны,
Тамъ дѣло есть, да не лѣнись!..."
Пошелъ Ярема, поклонясь.

Такъ утромъ рано жидъ поганый
Казакомъ бѣднымъ помыкалъ.
Ярема гнулся, онъ не зналъ....

Не зналъ онъ бѣдняга, что выросли крылья,
Что небо достанетъ, когда полетитъ—
Не зналъ онъ—и гнулся...
О, Боже мой правый!
Жить тяжко на свѣтѣ, а хочется жить!

И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
И хочется слушать, какъ море играетъ,
Какъ птичка щебечетъ, какъ вѣтеръ шумитъ,
Красавица дѣва въ лѣсу распѣваетъ...
О, Боже мой, Боже, какъ весело жить!

Сирота Ярема, сирота убогій...
Ни сестры, ни брата—никого-то нѣтъ.
Онъ—слуга жидовскій, выросъ у порога,
А не проклялъ доли, людей не клянетъ.
Да за что ихъ клясть-то? Развѣ они знаютъ,
Кого приласкать имъ, а кого карать?
Пусть себѣ пируютъ, вѣдь ихъ доля холитъ,
Сиротѣ же нужно самому все знать.
Случается часто, тихонько заплачетъ,
Да не отъ того, что сердце заболитъ:
Что-нибудь увидитъ, или что вспомянетъ....
И вновь за работу. Вотъ какъ нужно жить.
На что отецъ, мать намъ, высоки палаты,
Когда нельзя сердцу съ сердцемъ говорить.
Сирота Ярема, сирота богатый—
Есть съ кѣмъ и заплакать, есть съ кѣмъ
и запѣть:
Есть карія очи—какъ звѣзды сіяютъ;
Есть бѣлыя руки—млѣютъ, обнимаютъ;
Сердце есть дѣвичье—оно замираетъ,
Смѣется и плачетъ, какъ милый желаетъ.

Вотъ такой-то мой Ярема,
Сирота богатый.
Былъ и я такимъ когда-то,
Да прошло все это;

*

Прошло это, разошлося,
Слѣдовъ не осталось;
Сердце плачетъ, когда вспомню...
Зачѣмъ не осталось?

Зачѣмъ не осталось и не подождало?
Легче-бъ было слезы, тоску выливать.
Люди отобрали, знать имъ было мало.
„На что ему счастье? Нужно закопать!
Онъ и такъ богатый!....“
Богатъ на заплаты
Да слезы, ихъ Боже дай не отирать.
Доля моя, доля, гдѣ тебя искать?
Воротися-жь, доля, скорѣй ко мнѣ въ хату,
Или хоть приснися!... не хочется спать.

Извините, добры люди,
Быть можетъ, не кстати
Я толкую вамъ о горѣ?
Лучше перестать мнѣ.
Не разъ еще мы встрѣтимся,
Пока я гуляю
За Яремою по свѣту!
Быть-можетъ,.. не знаю....
Гадко люди, всюду гадко,
Негдѣ приклониться.
Говорятъ, коль клонитъ горе,
Тогда гнися, гнися,
Гнися молча, улыбаясь;
Чтобъ люди не знали,
Что на сердцѣ схоронено,
Чтобъ не приласкали.
Вѣдь ихъ ласка.... пусть приснится

Тому, кто былъ счастливъ;
Сиротѣ же пусть не снится,
Не снится напрасно.
Трудно, тяжко разсказывать—
Молчать не умѣю.
Выливайся-жъ слово-слезы—
Солнышко не грѣетъ:
Не высушитъ... Подѣлюсь я
Моими слезами,
Но не съ братомъ, не съ сестрою—
Съ нѣмыми стѣнами
На чужбинѣ.... А пока что,
Въ корчму ворочуся.

Жидъ поганый
Дрожитъ, изогнулся;
Предъ лампадой, окаянный
Счетами занялся.
А въ постели.... даже душно....
Мраморныя ручки
Разбросала и какъ будто
Полевой цвѣточекъ
Раскраснѣлась; а грудь ея....
Не видно сорочки....
Разорвана.... Видно душно
Спать ей одиночкѣ:
Это дочка,—мать зарылась
Въ перинахъ поганыхъ.
Гдѣ жъ Ярема?—Суму взявши,
Поплелся въ Вильшаны.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

СТАРОСТА.

„Вѣтеръ въ дубровѣ
Буйный не воетъ;
Мѣсяцъ высоко
Въ небѣ сіяетъ.
Выйди, сердечко,
Я ожидаю!
Хоть на мгновенье
Выйди, родная!
Выйди, голубка,
Мы поворкуемъ,
Съ тобою простимся
И погорюемъ:
Ночью далеко
Я въ путь пущуся.
Выйди-жъ, Оксана,
Съ тобой прощуся;
Выйди, сердечко,
Мы поворкуемъ.
Охъ тяжко, тяжко!.“

Такъ Ярема вблизи лѣса
Пѣсню распѣваетъ,

Смотритъ въ поле и Оксану
    Къ себѣ поджидаетъ.
Звѣзды блещутъ; среди неба
    Свѣтитъ блѣднолицый;
Низко, низко наклонилась
    Верба надъ криницей;
На калинѣ соловушка
    Трели разливаетъ,
Словно знаетъ, что дѣвицу
    Казакъ поджидаетъ.
А Ярема по долинѣ
    Едва, едва ходитъ;
Онъ не слышитъ, только мысли
    Мрачныя въ немъ бродятъ:

„Когда нѣтъ мнѣ счастья, когда нѣтъ мнѣ доли,
Годы молодые даромъ пропадутъ.
Одинъ я на свѣтѣ, какъ стебель на полѣ,
Его буйный вѣтеръ быстро разнесетъ.
Такъ со мною люди не знаютъ, что дѣлать.
За что-жь отказались?—Что я сирота?...
Одно было сердце, одно во всемъ свѣтѣ
То сердце Оксаны! Да видно и та,
И та отказалась.....“
                    И хлынули слезы...
Заплакалъ бѣдняга, утеръ рукавомъ:
„Оставайсь здорова. Въ далекой дорогѣ
Найду свою долю, или за Днѣпромъ
Лягу головою.... И ты не заплачешь,
И ты не увидишь, какъ воронъ клюетъ
Тѣ карія очи, тѣ очи казачьи,
Что ты цѣловала, сердечко мое.
Забудь свои слезы, своего Ярему;

Забудь, въ чемъ кляласся, другаго найди.
Я тебѣ не пара: я въ рваной одеждѣ,
Ты-жь—старосты дочка, лучшаго люби.
Люби, кого знаешь.... Такая ужь доля!...
Забудь меня, пташка, забудь, не грусти;
А если услышишь, что на чужомъ полѣ
Зарыли Ярему, тогда помолись....

„Одна, сердце, на всемъ свѣтѣ,
Хоть ты помолися!"
И заплакалъ онъ бѣдняга,
На палку склонился.
Плачетъ себѣ тихохонько...
Но, чу!.. шелестъ... Глянулъ,
Изъ-за лѣса, какъ ласточка
Крадется Оксана.
Забылъ... бѣжитъ... Обнялися....
„Сердце!..." и замлѣли
Долго, долго только: „сердце"....
И снова нѣмѣли.
„Будетъ, пташка!"
— Охъ, немножко
Еще.... еще... милый!....
Возьми душу!... еще... еще...
Какъ я утомилась!
„Отдохни же, звѣзда моя,
Съ неба ты слетѣла"
Постлалъ свиту. Какъ ласточка
Усмѣхнулась, сѣла.
— Садися-жъ ты ближе ко мнѣ!—
Сѣлъ—и обнялися.
„Сердце мое, звѣзда моя,
Гдѣ же ты сіяла?"

— Отцу что-то не можется:
Съ нимъ я хлопотала.
„А я думалъ, что ты меня
Вѣрно позабыла?...“
— Ахъ, Ярема, не грѣхъ тебѣ?
И слеза блеснула.
„Не плачь, сердце, это шутка...“
— Шутка?
Улыбнулась,
Прислонилася головкой
И словно уснула.
„Вотъ, Оксана, ты какая!
Это шутка, слышишь?
Ну, не плачь, взгляни скорѣе:
Завтра не увидишь.
Далеко я буду завтра!
Далеко, Оксана.
Завтра ночью въ Чигиринѣ
Свящёный достану.
Мнѣ доставитъ онъ золото,
Доставитъ мнѣ славу..
Я въ парчу тебя одѣну,
Посажу, какъ паву,
На престолѣ; какъ гетманша
На высокомъ сядешь,
Буду тобой любоваться...„
— А можетъ обманешь?
Богатъ станешь, ты и въ Кіевъ
Поѣдешь съ панàми,
Найдешь себѣ шляхтяночку,—
Забудешь Оксану.
„Есть ли лучше тебя въ мірѣ?...“
— Быть-можетъ не знаю.—

„Гнѣвишь Бога, мое сердце,—
Лучшей я не знаю
Ни на небѣ, ни за небомъ,
Ни за синимъ моремъ—
Лучше тебя нѣтъ на свѣтѣ!...“
— Охъ, горе мнѣ, горе!
Что болтаешь?
„Правда, рыбка!“
И снова, и снова
Долго, долго межъ собою
Вели рѣчи ночью;
Цѣловались, миловались,
Все глядѣли въ очи.
Ей Ярема разсказывалъ,
Какъ жить они будутъ;
Какъ одѣнетъ всю въ золото,
Какъ долю добудетъ.
Какъ вырѣжутъ Гайдамаки
Ляховъ въ Украинѣ;
Какъ онъ будетъ жить богато,
Если не загинетъ.
Сидятъ оба надъ водою,
Обнявшись воркуютъ.
А Оксана, какъ голубка,
Ласкаетъ, цѣлуетъ.
То заплачетъ, то замлѣетъ;
Головку склоняетъ...
„Сердце мое, доля моя“
И все обнимаетъ.
— Мой.... и вербы наклонялись
Слушать это слово,
Нѣтъ нельзя, нельзя дѣвицы
Сказать это слово.

Не скажу его вамъ на ночь,
А то вамъ приснится....
Пусть себѣ ужъ разойдутся
Такъ, какъ и сошлися,
Тихохонько, хорошенько—
Чтобъ никто не видѣлъ:
Ни дѣвичьихъ слезъ горючихъ,
Ни горькихъ казачьихъ.

Въ это время у старосты
Гости, знать, гуляютъ:
Что за праздникъ, что творится
Посмотримъ, узнаемъ.

Лучше-бъ не смотрѣть намъ и не говорить.
За людей вѣдь стыдно, вѣдь сердце болитъ.
Взгляните, смотрите, то конфедераты,
Люди, что собрались волю защищать,
Защищаютъ славно!.. Будь проклята мать,
И день и минута, когда зачала,
Когда васъ проклятыхъ на свѣтъ родила.
Смотрите, какъ волю они защищаютъ.
Проклятые люди!...
На печи пылаетъ
Огонь на всю хату,
Въ углѣ собакою дрожитъ
Проклятый жидъ. Конфедераты
Кричатъ страдальцу; „хочешь жить?
Скажи, гдѣ деньги?“
Тотъ молчитъ.
Веревкою связали руки,
На землю бросили. Бѣда,
Не скажетъ слова.

„Мало муки!..
Песку давайте, гдѣ смола?
Кропи его.. вотъ такъ! Что стынетъ?
Пескомъ скорѣе посыпай!
Что, скажешь шельма? И не стонетъ,
Завзятый бестія!... Постой!“
Насыпали къ подошвамъ жару.
„Въ затылокъ гвоздь ему вбивай!“
Не вытерпѣлъ страдалецъ кары,—
Упалъ бѣдняга! Умирай
Безъ покаянія святаго!
—Оксана! дочка!—простоналъ.
Вздохнули ляхи, надъ нимъ стоя
Хоть закаленые.
„Теперь
Что дѣлать намъ, мы потолкуемъ!
Здѣсь больше нечего намъ взять.
Зажжемъ же церковь!“
— Ай, спасите,
Кто въ Бога вѣруетъ!—кричитъ
Снаружи голосъ, что есть силы.
Вздрогнули ляхи. „Кто такой?“
Оксана въ двери.—Ахъ, убили!—
Упала на полъ. А старшой
Махнулъ рукою на шляхтянъ.
И тихо шляхта, какъ собаки,
За двери вышла. Атаманъ
Беретъ упавшую......
— Гдѣ-жъ ты,
Ярема? гдѣ ты?... Ворочайся!
А онъ дорогою поетъ,
Какъ Наливайко съ Ляхомъ дрался.
Изчезли Ляхи. Не жива

Изчезла съ ними и Оксана.
Собаки кое-гдѣ въ Вильшаной
Залаютъ, снова замолчатъ.
На небѣ мѣсяцъ. Люди спятъ.
Убитый спитъ. Не рано встанетъ,—
На вѣки праведникъ заснулъ.
А пламя гасло, угасало...
И страшно, страшно въ хатѣ стало.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧИГИРИНѢ.

Гетма̀ны, гетма̀ны, когда бы вы встали,
Встали, посмотрѣли на тотъ Чигиринъ
Что вы создавали, гдѣ вы пановали,
Заплакали-бъ тяжко. Вы бы не узнали
Славы казацкой, убогихъ руинъ.

Базары, гдѣ войско какъ синее море
Передъ бунчуками бывало горитъ,
А ясновельможный на конѣ удаломъ
Блеснетъ булавою,—море закипитъ....

Закипитъ и разольется
    Степями, ярами....
Горе бѣжитъ передъ ними,
    А за казаками.....
Лучше молчать! Прошло уже!
    А то, что проходитъ,
Забыть лучше.....

Изъ за лѣса, весь въ туманѣ,
    Мѣсяцъ выплываетъ.
Покраснѣлъ онъ, блѣднолицый,

Горитъ—не сіяетъ;
Словно знаетъ, что не нужно
Людямъ его свѣта;
Что пожары Украину
Нагрѣютъ, освѣтятъ.
Ужъ стемнѣло; въ Чигиринѣ,
Будто бы въ могилѣ,
Страшно, страшно. (Вотъ такъ было,
Во всей Украинѣ,
Наканунѣ Маковея,
Какъ ножи святили.)
Нѣтъ людей и надъ домами
Кожанъ жесткокрылый
Пролетаетъ; на выгонѣ
Сова завываетъ.
Гдѣ же люди?... Надъ Тясминомъ
Въ лѣсу отдыхаютъ.
Собралися—старый, малый,
Бѣднякъ и богатый,
Побратались, ожидаютъ
Страшнаго набата.

У темнаго лѣса въ зеленой дубравѣ
На пастбищѣ кони щиплютъ траву.
Осѣдланы кони, совсѣмъ ужъ готовы,
Куда-то поѣдутъ, кого повезутъ?
Вотъ кого—смотрите: улеглись въ долинѣ
Убитые словно; лошадей пасутъ:
Это Гайдамаки; на зовъ Украины
Орлы налетѣли; они разнесутъ:
Жидамъ, Ляхамъ кàру,
За кровь и пожары,
Адомъ Гайдамаки Ляхамъ отдадутъ.

Первый старшина.

— Старикъ Головатый что-то мудритъ.

Второй.

— Нечего говорить, умная голова: сидитъ у себя въ хуторѣ, словно ничего не знаетъ, а смотришь—вездѣ Головатый. „Если самъ, говоритъ, не окончу, такъ сыну передамъ“.

Третій.

— Да и сынъ не уступитъ ему. Вчера я встрѣтился съ Желѣзнякомъ,—такое разсказывалъ онъ про него, что Боже упаси. „Кошевымъ“, говоритъ, „будетъ непремѣнно, а то и гетманомъ, если что....“

Второй.

— А Гонта на что? а Желѣзнякъ?... Къ Гонтѣ *сама.... сама* писала: „Если, говоритъ“....

Первый.

— Тише!... кажется звонятъ!

Второй.

— Нѣтъ, это люди говорятъ.

Первый.

— Шумятъ, пока Ляхи услышатъ. Охъ, старыя головы, да умныя: мудрятъ, мудрятъ, да и натворятъ дѣлъ. О чемъ думаютъ, чего не зво-

нятъ? Чѣмъ остановишь народъ, чтобъ не шумѣлъ. Не десять человѣкъ, а слава Богу вся Смилянщина, если не вся Украйна. Вотъ слышите? поютъ.

Третій.

— И то поютъ. Пойду остановлю.

Первый.

— Не мѣшай. Пусть поютъ, только бы не громко..

Второй.

— Это вѣрно Волохъ. Не выдержалъ, старый дуракъ!

Третій.

— А хорошо поетъ Какъ ни послушаешь,— все новую пѣсню. Подкрадемтесь, братцы, послушаемъ, а тамъ зазвонятъ.

Первый и второй

— Что же? пойдемъ.

Третій.

— Пойдемъ.

(Старшины тихо стали за деревомъ Подъ деревомъ сидитъ слѣпой кобзарь; вокругъ него Запорожцы и Гайдамаки. Кобзарь поетъ протяжно и тихо).

Охъ, Волохи! охъ, Волохи!
Осталося васъ немного,
И вашъ господарь—

Слуга у татаръ.
Полно, не грустите,
Лучше помолитесь,
Побратайтесь съ нами,
Съ нами казаками.
Вспомните Богдана.
Стараго гетмана,
Будете панами
Такъ, какъ мы съ ножами,
. . . .
И съ отцомъ Максимомъ
Эту ночь гуляемъ,
Ляховъ угощаемъ.
Да такъ погуляемъ,
Что адъ засмѣется,
Земля содрогнется,
Небо запылаетъ—
Славно погуляемъ!

Зопорожецъ.

— Славно погуляемъ! Правду старикъ поетъ, если не третъ. Волохъ, а то-бы что и за кобзарь былъ, еслибъ не былъ Волохомъ.

Кобзарь.

— Да я не Волохъ. Былъ когда-то въ Валахіи, такъ меня и прозвали Волохомъ, и самъ не знаю за что.

Запорожецъ.

— Что за бѣда! А ты запой что-нибудь еще. Хвати-ка про Максима!

Гайдамакъ.

— Только не громко, чтобъ старшина не услыхалъ.

Запорожецъ.

— А что намъ вашъ старшина? Услышитъ такъ послушаетъ, если есть чѣмъ слушать. У насъ одинъ старшина—нашъ Максимъ; а если онъ услышитъ, такъ рубль еще дастъ. Пой, старецъ Божій, не слушай его.

Гайдамакъ.

— Оно такъ-то такъ, я это и самъ знаю; да вѣдь не такъ старшіе, какъ ихъ помощники,— вѣдь знаешь: пока взойдетъ солнце, роса глаза выѣстъ.

Запорожецъ.

— Неправда. Пой какую-нибудь, а то и звона не дождемся—уснемъ.

Всѣ.

— И то уснемъ. Пой какую-нибудь!

Кобзарь (поетъ).

Леталъ орелъ, леталъ сизый—
Да подъ небесами.
Гулялъ Максимъ, гулялъ отецъ—
Степями, лѣсами.
Онъ летаетъ, орелъ сизый
А за нимъ орлята:
Идетъ Максимъ, идетъ отецъ,
А за нимъ ребята.

Запорожцы тѣ ребята,
Гайдамаки—дѣти.
Подумаетъ иль взгадаетъ
Пить вино—и пьется;
Танцовать ли—сейчасъ хватятъ:
Вся земля трясется;
Запоетъ онъ—распѣваютъ—
И горе смѣется;
Горѣлку, медъ не чаркою,
А ковшомъ черпаетъ,
А врага, закрывши очи,
Повсюду узнаетъ.
Вотъ такой-то нашъ атаманъ,
Орелъ сизокрылый!
И гуляетъ, и дерется,
Сколько хватитъ силы!
Гуляйте же вражьи Ляхи,
Гуляйте собаки:
Желѣзнякъ идетъ къ вамъ въ гости,
За нимъ Гайдамаки.

Запорожецъ.

— Это такъ, правду спѣлъ. Что ни попросишь, все поетъ. Хорошо, ей-Богу, хорошо. Спасибо, спасибо!

Гайдамакъ.

— Я что-то не понялъ, что онъ про Гайдамаковъ пѣлъ....

Запорожецъ.

— Эхъ, ты! Онъ, видишь ли, пѣлъ, чтобъ каялись Ляхи поганые: къ нимъ въ гости идетъ

Желѣзнякъ съ Гайдамаками,—видишь ли, рѣзать....

Гайдамакъ.

— И рѣзать, и мучить! Славно! Это такъ! Ей-Богу далъ бы тебѣ рубль, еслибъ не пропилъ вчера. Ну, обожди немного, за мной пусть будетъ пока. А ты спой что-нибудь про Гайдамаковъ.

Кобзарь.

— Къ деньгамъ я не охотникъ. Была бы охота слушать меня, а то буду пѣть, пока не охрипну; чарку, другую воды живучей, какъ говорятъ, и снова. Слушайте же, товарищи!

Ночевали Гайдамаки
Въ зеленыхъ дубравахъ,
На пастбищѣ коней пасли
Сѣдланныхъ, готовыхъ;
Ночевали Ляшки-панки
Во дворцахъ съ жидами,
Напились и растянулись
И.....................

Всѣ.

— Тише!... кажется звонятъ. Слышишь? еще разъ.... о!...

Кобзарь.

„Зазвонили, зазвонили!
Пошло эхо лѣсомъ.
Идите же и молитесь,
А я спою пѣсню.“

Повалили Гайдамаки—
И стонетъ дубрава;
Не везутъ они, на спинахъ
Большіе воловьи
Возы тащатъ. А за ними
Слѣпой Волохъ снова:
„Ночевали Гайдамаки
Въ зеленой дубравѣ.“
Онъ плетется, спотыкаясь,
Ему не до рѣчи.
„Ну, другую, старецъ Божій!“
Съ возами на плечахъ
Кричатъ ему Гайдамаки.
„Ладно, братцы, ладно!
Вотъ такъ, вотъ такъ! славно, лихо!
Давайте, ребята,
Потанцуемъ!“
Земля гнется,
А они съ возами
Такъ и рѣжутъ. Кобзарь поетъ,
Топая ногами:
„Ой гопъ таки такъ!
Зоветъ Анну казакъ:
Иди, Анна, потанцую,
Иди, Анна, поцѣлую;
Пойдемъ, Анна, мы къ попу
Богу помолиться:
У насъ жита ни снопа,
Вари вареницы.
Женился я, и жена
Мнѣ надоѣдаетъ;
Оборванцы ростутъ дѣти,
Казакъ распѣваетъ:

„Во всей хатѣ ти-ни-ни,
Да и въ сѣняхъ ти-ни-ни,
Ты свари-ка мнѣ лини,
Ти-ни-ни, ти-ни-ни!“

Славно, славно! еще, еще!
Кричатъ Гайдамаки.

„Ой гопъ того дива!
Наварили Ляхи пива,
А мы будемъ пировать,
Ляховъ-пановъ угощать.
Ляховъ-пановъ угостимъ,
У ихъ дочекъ погостимъ.
Ой гопъ таки-такъ!
Зоветъ панну казакъ:
Панна, пташка моя!
Панна, доля моя!
Не стыдися, дай рученку,
Пойдемъ, погуляемъ;
Пускай горе людямъ снится,
А мы распѣваемъ!
Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!“

— Еще, еще!

„Когда-бъ только или такъ, или сякъ,
Когда-бъ только запорожскій казакъ,
Когда-бъ меня онъ любилъ, онъ любилъ,
И по хатѣ поводилъ, поводилъ!
Охъ какъ-бы мнѣ отказаться
Съ старымъ дѣдомъ цѣловаться,
Когда-бъ только. . . .“

— Стойте, что вы! опомнитесь!
Вишь расходилися! А ты,
Сѣдой дуракъ, гдѣ бы молиться,
Везешь здѣсь погань, погоди!
Кричитъ атаманъ. Замолчали
И видятъ церковь; тамъ поютъ.
Вокругъ все тихо; и несутъ
Кропило, крестъ; попы пошли,
Хоругви съ ними понесли.
„Молитесь, братія, молитесь!"
Такъ благочинный говорилъ:
„Вокругъ роднаго Чигирина
Обступитъ стража Бога силъ,
Не дастъ Украйну распинать.
А вы отчизну защищайте:
Не дайте матери, не дайте
Въ рукахъ у Ляховъ погибать.
Отъ Конашевича донынѣ
Пожаръ не гаснетъ, люди мрутъ,
Страдаютъ въ тюрьмахъ, голы, босы...
И некрещеными ростутъ
Казачьи дѣти; а дѣвицы!....
Отчизны, родины краса,
У Ляховъ вянутъ, бѣлолицы,
И непокрытая коса
Стыдомъ сѣчется; кари очи
Въ неволѣ гаснутъ; расковать
Казакъ сестру свою не хочетъ,
Самъ не стыдится онъ страдать
Въ ярмѣ у Ляха.... Горе, горе!
Молитесь, братья! страшный судъ
Въ Украйну Ляхи къ намъ несутъ—
И зарыдаютъ черны горы.

Забыли праведныхъ гетмановъ:
Гдѣ ихъ могилы? гдѣ лежатъ
Останки славнаго Богдана?
Гдѣ Остраницына стоитъ
Хотя-бъ убогая могила?
Гдѣ Наливайкина? Увы!
Живаго, бѣднаго, сожгли.
Тоскуетъ Корсунь нашъ старинный,
И не съ кѣмъ грусть ему дѣлить.
И Альта плачетъ: „тяжко жить!
Я сохну, сохну.... Гдѣ Тарасъ?“
Не плачьте, братія: за насъ
И души праведныхъ, и сила
Архистратига Михаила.
Не за горами кары часъ.
Молитесь, братія!“
Молились,
Молились слезно казаки.
. . . .
„Вотъ ножи вамъ! освятили.“
И дубрава стонетъ,
Гудетъ въ лѣсу: „освятили,“
И сердце холонетъ!
Освятили, освятили!
Гибнетъ шляхта, гибнетъ!
Разобрали, заблестѣли
По всей Украинѣ.

ТРЕТЬИ ПѢТУХИ.

Одинъ послѣдній день терзали
Украйну Ляхи; и одинъ,
Одинъ послѣдній горевали
Украйна вся и Чигиринъ.
И тотъ прошелъ—день Маковея,
Великій праздникъ въ Украинѣ;
Прошелъ,— и Ляхъ и Жидовинъ,
Горѣлку съ кровію мѣшали,
Кляли казаковъ, распинали,
Кляли, что нечего ужъ взять.
А Гайдамаки молча ждали,
Пока поганцы лягутъ спать.
Всѣ улеглись, никто не думалъ,
Что имъ ужъ завтра не вставать.
Уснули Ляхи, а Іуды
Считаютъ золото въ ночи,
Въ итоги сводятъ барыши,
Чтобы не видѣли ихъ люди.
И тѣ на золото легли
И сномъ нечистымъ задремали.

И дремлютъ... на вѣки бы вамъ задремать!...
Въ это время мѣсяцъ выплылъ наблюдать
И небо, и звѣзды, и землю, и море,
И послушать, люди о чемъ говорятъ,
Чтобы утромъ Богу о томъ разсказать.
Свѣтитъ блѣднолицый на всю Украину,
Свѣтитъ онъ... а видитъ ли мою сиротину,
Оксану бѣднягу, мою сироту?
Гдѣ надъ ней смѣются, гдѣ она воркуетъ?
Знаетъ ли Ярема, знаетъ ли и чуетъ?
Увидимъ мы послѣ, теперь же не ту,
Не ту уже пѣсню я вамъ заиграю:
Горе—не дѣвицы—будетъ танцовать.
Про горе пою вамъ казацкаго края;
Слушайте-жъ, чтобъ дѣтямъ потомъ разсказать;
Чтобъ и дѣти знали, внукамъ разсказали,
Какъ казаки шляхту тяжко покарали
За то, что Украйну умѣла терзать.

Загремѣла по Украйнѣ,
Гроза загремѣла:
Долго кровь лилась степями,
Лилась и краснѣла.
Лилась, лилась и высохла.
Степи зеленѣютъ;
Лежатъ дѣды, а надъ ними
Могилы синѣютъ.
Что за нужда, что высоки?
Никто ихъ не знаетъ,
Никто горько не заплачетъ,
Никто не вспомянетъ.
Только вѣтеръ тихохонько
Повѣетъ надъ ними,

Только роса ранехонько
    Горькими слезами
Ихъ умоетъ. Взойдетъ солнце,
    Осушитъ, пригрѣетъ.
Что же внуки?... Имъ-то что-же?
    Жито себѣ сѣютъ.
Много ихъ, а кто же скажетъ
    Гдѣ Гонты могила.
Желѣзнякъ гдѣ, казакъ храбрый,
    Гдѣ онъ почиваетъ?...
Тяжко! Тяжко!...

Загремѣла по Украйнѣ,
    Гроза загремѣла,
Долго кровь лилась степями.
    Лилась и краснѣла.
И день и ночь стоны, крики...
    Земля стонетъ, гнется.
Страшно, страшно, когда-жъ вспомнишь—
    Сердце засмѣется.

Мѣсяцъ мой ясный, съ высокаго неба
Скройся за гору—не нужно намъ свѣта.
Тебѣ страшно будетъ, хоть ты видѣлъ Рось,
И Альту, и Сену, и тамъ разлилось,
Богъ вѣсть за что, крови широкое море.
Теперь же что будетъ! Скройся же за гору,
Спрячься поскорѣе, чтобъ не довелось
На старость заплакать...............

Страшно, страшно среди неба
Свѣтитъ блѣднолицый.

Идетъ казакъ по берегу,
Можетъ, съ вечерницы.
Идетъ грустный, невеселый,
Едва тащитъ ноги.
Или дѣвица не любитъ
За то, что убогій?
Нѣтъ, дѣвица его любитъ,
Хотя весь въ заплатахъ.
Чернобровый, коль не сгинетъ,
Будетъ и богатымъ.
Чего-жъ смутенъ чернобровый,
Идетъ и тоскуетъ?
Что за горе тяжелое
Нашъ Ярема чуетъ?
Чуетъ сердце, но не скажетъ,
Что за горе будетъ.
Пройдетъ горе... Кругомъ словно
Вымерли всѣ люди.
Ничего нигдѣ не видно:
Только за дубравой
Въ сторонѣ, далеко гдѣ-то
Волки завываютъ.
Что за дѣло! Шелъ Ярема,
Только не къ Оксанѣ,
Не въ Вильшаную на праздникъ,
А къ Ляхамъ поганымъ,
Шелъ въ Черкасы. А тамъ пѣвень
Въ третій разъ затянетъ,
А тамъ... а тамъ... и Ярему
Къ Днѣпру словно тянетъ.

„Ой Днѣпръ ты мой, Днѣпръ, широкій, да сильный!

Много ты крови въ море носилъ,
Крови казачьей, и понесешь снова!
Красилъ ты синее, да не напоилъ;
Сегодня-жъ упьешься. Вѣдь адское пламя
По родной Украйнѣ ночью потечетъ;
И прольется много, и много, и много
Крови шляхетской. Казакъ оживетъ;
Оживутъ гетманы въ золотыхъ жупанахъ,
И проснется доля; казакъ запоетъ:
„Ни Жида, ни Ляха!“ а въ степяхъ Украйны
Снова, быть можетъ, булава блеснетъ!“

Такъ думалъ, плетяся въ оборванной свитѣ,
Бѣдняга Ярема съ священымъ въ рукахъ.
А Днѣпръ будто слышалъ: широкій, да синій
Поднялъ горы-волны въ своихъ камышахъ.

Реветъ, стонетъ, завываетъ,
Лозу нагибаетъ;
Громъ грохочетъ, и молнія
Тучу раздираетъ.
Идетъ себѣ нашъ Ярема,
Ничего не чуетъ;
Одна дума улыбнется,
Другая тоскуетъ.
„Тамъ Оксана, тамъ весело
И въ сѣрой свитинѣ;
А здѣсь... а здѣсь. . что-то будетъ?
Быть можетъ и сгину.“
Въ это время за рѣкою
Пѣтухъ —кукареку!
А, Черкасы!.. Боже правый!
Не убавь мнѣ вѣка!

КРОВАВЫЙ ПИРЪ.

Зазвонили, зазвонили
    По всей Украинѣ;
Закричали Гайдамаки:
    „Гибнетъ шляхта, гибнетъ,
Гибнетъ шляхта! погуляемъ
    И тучу нагрѣемъ!“
Загорѣлась Смилянщина,
    Туча багровѣетъ.
Прежде всего Медвѣдевка
    Небо нагрѣваетъ.
Горитъ Смила, Смилянщина
    Кровью подплываетъ.
Горитъ Корсунь, Каневъ горитъ,
    Чигиринъ, Черкасы.
Разлилося моремъ пламя,
    И кровь полилася
Даже въ Волынь, по Полѣсью,
    Гонта гдѣ гуляетъ.
Желѣзнякъ же въ Смилянщинѣ
    Ляховъ убиваетъ,

И въ Черкасахъ, гдѣ Ярема
Пробуетъ священый.
„Вотъ такъ, славно, славно, дѣти!
Бейте ихъ проклятыхъ!
Славно, славно!" Гайдамаковъ
Желѣзнякъ сзываетъ.
Кругомъ пламя; Гайдамаки
Въ пламени гуляютъ.
А Ярема—взглянуть страшно—
По три убиваетъ,
И со злобою усердно
Ляховъ убавляетъ.
„Бей ихъ, бей ихъ: въ раю будешь,
Или есауломъ.
Гуляй, сынокъ! ну-ка, дѣтки!"
И дѣтки махнули
По чердакамъ, по амбарамъ,
Погребамъ, повсюду;
Всѣхъ убили, все забрали.
„Теперь, братцы, будетъ!
Утомились, отдохните!"
Улицы, базары—
Всѣ укрыты трупомъ, кровью.
„Мало Ляхамъ кары!
Еще нужно ихъ помучить,
Чтобъ не просыпались
Жидовскія, злыя души."
На базаръ собрались
Гайдамаки. И Ярему
Максимъ подзываетъ:
„Слышишь, парень, иди сюда,
Я не испугаю."
— Не боюсь я, снявши шапку,

Сталъ какъ передъ паномъ.
„Откуда ты, и кто такой?“
— Я, панъ, изъ Вильшаной.
„Изъ Вильшаной, гдѣ старосту
Ляхи растерзали?“
— Гдѣ, какого?
„Да въ Вильшаной,
Говорятъ, украли
И дочь его, если знаешь?“
— Дочку изъ Вильшаной?
„У старосты, если знавалъ“.
— Оксана, Оксана!
Едва вымолвилъ Ярема
И упалъ онъ долу.
„Эге! вотъ-что... жаль бѣднягу,
Провѣтри, Никола!“
Очнулся онъ.—Отецъ, панъ мой!
Что я не сторукій?
Дайте ножъ мнѣ, дайте силу,
Муки Ляхамъ, муки!
Муки страшной, чтобы въ адѣ
Дрожали, блѣднѣли!
„Ладно, сынокъ, ножи будутъ
На святое дѣло.
Пойдемъ теперь мы въ Лисянку,—
Тамъ ножи добудемъ!“
—Пойдемъ, Максимъ, Ляховъ рѣзать!
Страшно мстить мы будемъ.
Вездѣ пойду, на край свѣта
Полечу, достану!
Вырву я ее у Ляховъ,
Вырву.... Нѣтъ, атаманъ,
Нигдѣ, нигдѣ не найду я

Дорогой Оксаны.
„Найдешь можетъ. А какъ тебя
Зовутъ? я не знаю.“
— Яремою.
„А прозвище?
— Прозвища не знаю.
„Развѣ байструкъ? Безъ прозвища—
Запиши Никола
Его въ списокъ. Пусть онъ будетъ...
Пусть онъ будетъ Голый.
—Нѣтъ, не ладно...
„Ну, тогда Бѣдою?“
„И то не такъ.
„Такъ постой же,
Пиши Галайдою!“
Записали.
„Ну, Галайда,
Поѣдемъ гулять мы!
Найдешь счастье.... а не найдешь....
Въ дорогу, ребята!“
Дали коня и Яремѣ:
Взяли изъ обоза.
Оглядѣлся, встрепенулся
Да и снова въ слезы.
Проѣхали и заставу;
Пылаютъ Черкасы...
„Всѣ ли дѣтки?“
—- Всѣ, всѣ, отецъ!
„Гайда“!...

Растянулась
По дубравѣ, надъ Днѣпромъ
Казаковъ ватага.

А за ними кобзарь Волохъ:
Тихо, понемногу
Плетется онъ на лошадкѣ,
Пѣсни распѣваетъ:
„Гайдамаки, Гайдамаки,
Желѣзнякъ гуляетъ.“
Поѣхали.... а Черкасы
Горятъ и пылаютъ.
Что за дѣло, и не смотрятъ—
Смѣются, ругаютъ
Жидовъ, шляхту. Кто болтаетъ.
Пѣсни кто заводитъ;
Желѣзнякъ предъ казаками
Впереди всѣхъ ѣдетъ.
Вслѣдъ за нимъ нѣмой Ярема:
Зелена дубрава,
И лѣсъ темной, и Днѣпръ синій.
Высокія горы,
Небо, звѣзды, добро, люди
И лютое горе—
Все пропало! ничего онъ
Не знаетъ, не хочетъ,
Какъ убитый. Тяжко ему,
Тяжко, но не плачетъ.
Нѣтъ, не плачетъ: змѣя только
Жадно выпиваетъ
Его слезы, гнететъ душу,
Сердце разрываетъ.
„Охъ, вы слезы, мои слезы!
Вы смоете горе;
Смойте его.... тяжко! трудно!
И синяго моря,
И Днѣпра, чтобъ вылить горе,

И Днѣпра не станетъ.
Погубить ужъ развѣ душу?
Оксана, Оксана!
Гдѣ ты, гдѣ ты? Посмотри же
Моя сиротина!
Посмотри же на Ярему.
Гдѣ ты? Можетъ, гибнетъ,
Плачетъ тяжко, клянетъ долю,
Клянетъ, умираетъ....
Иль у пана въ темной ямѣ
Въ оковахъ страдаетъ.
Вспоминаетъ ли Ярему
И свои Вильшаны,
Зоветъ его: „Сердце мое,
Обними Оксану!
Обнимемся, мой соколикъ!
Такъ и онѣмѣемъ.
Пускай Ляхи гнушаются—
Не услышимъ!“... Вѣетъ,
Вѣетъ вѣтеръ по Лиману,
Гнетъ онъ тополь въ полѣ,
И дѣвица наклонится,
Куда гнетъ недоля.
Потоскуетъ и поплачетъ,
Забудетъ.... быть можетъ....
Ужъ въ жупанѣ, сама пани;
А Ляхъ.... Боже, Боже!
Карай адомъ мою душу,
Излей муки море,
Разбей громы надо мною,
Но не такимъ горемъ.
Карай сердце: разорвется,
Хотя-бъ было камнемъ.

Доля моя, сердце мое!
  Оксана, Оксана!
Гдѣ ты скрылась, гдѣ найдти мнѣ?“
  И хлынули слезы;
Много, много полилося....
  Откуда взялися?
Желѣзнякъ же Гайдамакамъ
  Велитъ становиться:
„Въ лѣсъ, ребята! ужъ свѣтаетъ—
  Кони утомились:
Попасемъ здѣсь!“—и тихонько
  Въ лѣсу они скрылись.

ГУПАЛѢВЩИНА.

Взошло солнце. Вся Украйна
  Пылала и тлѣла.
Въ домахъ шляхта запершися,
  Тряслася, блѣднѣла.
Вездѣ въ селахъ висѣлицы,
  На нихъ труповъ тучи
Лишь магнатовъ,—просто шляхта
  Валялася въ кучѣ.
На улицахъ, на распутьяхъ
  Собаки, вороны
Ѣдятъ шляхту, клюютъ очи;
  Никто не хоронитъ.
И некому: остались лишь
  Дѣти да собаки:
Бабы, взявши вилы, грабли
  Пошли въ гайдамаки.

Вотъ такое было горе
  Въ то время въ Украйнѣ!

Хуже ада.... Да за что же
  Люди погибали?
Одинъ отецъ, одни дѣти—
  Чтобы побрататься?
Не хотѣли, не умѣли—
  Вѣдь имъ нужно драться!
Нужно крови, брата крови:
  Больно, что у брата
Есть въ амбарахъ, полно въ домѣ
  И весело въ хатѣ!
„Убьемъ брата, сожжемъ хату!“
  Сказали—сбылося.
Ужъ довольно-бъ. Нѣтъ, на кару
  Дѣти осталися.
Въ слезахъ росли и выросли;
  Всѣ въ мозоляхъ руки
Развязались—и кровь за кровь,
  И муки за муки!
Больно сердцу, когда вспомнишь:
  Старыхъ Славянъ дѣти
Лили кровь. Но кто-жъ виновенъ?
  Все Іезуиты.

Проѣзжали Гайдамаки
  Ярами, лѣсами,
Вслѣдъ за ними и Ярема
  Съ горькими слезами.
Проѣхали Вороновку,
  Вербовку, въ Вильшаны
Пріѣхали. „Спросить развѣ,
  Спросить про Оксану?
Нѣтъ, не нужно, чтобъ не знали
  За что пропадаю.“

Въ это время Гайдамаки
  Село проѣзжаютъ;
И спросилъ онъ у мальчика:
  „Что, староста, живъ ли?“
— Да нѣтъ, дядя! отецъ сказалъ,
  Что его спалили
Вотъ тѣ Ляхи, что тамъ лежатъ;
  Оксану украли,
А старосту на погостѣ
  Вчера закопали.
Не дослушалъ... „Неси, мой конь!“
  Головой поникнулъ.
„Зачѣмъ вчера, не зналъ пока,
  Вчера не сгинулъ!
Но сегодня умру если,
  Изъ могилы встану
Мучить Ляховъ. Сердце мое,
  Оксана, Оксана!
Гдѣ ты?...
                Снова онъ поникнулъ,
  Бѣдный, головою:
Трудно, тяжко сиротинѣ
  Бороться съ тоскою.
Догналъ своихъ. Боровиковъ
  Хуторъ проѣзжаютъ.
Отъ корчмы остались стѣны,
  Да и тѣ пылаютъ.
Усмѣхнулся мой Ярема,
  Страшно усмѣхнулся:
Вотъ здѣсь вчера, вчера только
  Предъ Жидомъ онъ гнулся;
А сегодня.... и жаль стало,
  Что все миновало.

Гайдамаки же надъ яромъ
  Съ дороги свернули.
Поѣхали; нагоняютъ
  Мальчика въ дорогѣ:
Весь оборванный, въ заплатахъ,
  Израненн ноги.
„Гей ты, нищій! обожди-ка!“
  — Вы ошиблись вѣрно:
Гайдамакъ я, а не нищій.
  „Ой, какой же скверный!
Откуда ты?“
                  — Изъ Королевъ.
„А Будища знаешь?
И озеро возлѣ Будищъ?“
  — Озеро я знаю:
Оно дальше; этимъ яромъ
  Къ нему попасть можно.
„А что, Ляховъ не видалъ ли?“
  — Всѣ поразбѣжались,
А вчера ихъ было много.
  Вѣнковъ не святили:
Помѣшали проклятые.
  За то-жъ ихъ и били!
Отецъ и я ножемъ...
  Матушка больна-то,
И она бы....
                  „Славный парень....

. . . .

  Въ дорогу, ребята!
Да потише, не шумите.
  Галайда, за мною!
Въ этомъ яру есть озеро
  И лѣсъ подъ горою,

Кладъ въ лѣсу. Когда пріѣдемъ,
Кругомъ чтобы стали,
Скажи всѣмъ ты. Можетъ погребъ
Стеречь осталися
Ляхи погань....“

ПИРЪ ВЪ ЛИСЯНКѢ.

Зашло солнце, и Лисянка
Вокругъ засвѣтила:
Это Гонта съ Желѣзнякомъ
Трубки закурили.
Страшно, страшно закурили!
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить. И гнилой Тыкичь
Кровію краснѣетъ—
Шляхетскою, жидовскою;
А надъ нимъ пылаетъ
И дворецъ, и просто хата:
Доля то караетъ
Богатаго и бѣднаго.
А среди базара
Стоитъ Гонта съ Желѣзнякомъ,
Кричатъ: „Ляхамъ кара!
Каррра Ляхамъ, чтобъ каялись!“
И дѣти караютъ.
Стонутъ, плачутъ; одинъ проситъ,
Другой проклинаетъ;

Тотъ молится и кается
Въ грѣхахъ передъ братомъ.
Ужъ убитымъ. Не милуютъ,
Караютъ проклятыхъ.
Какъ смерть лютая, не смотрятъ
На красоту, годы
Шляхтяночекъ, Жидовочекъ...
Кровью красятъ воду.
Старый, бѣдный, и богатый,
И малыя дѣти
Не спаслися отъ казаковъ, —
Лежатъ всѣ убиты.
Улеглися всѣ бѣдняги;
Души не осталось
Ни шляхетской, ни жидовской.
Пожаръ разгорался,
Разгорѣлся, разыгрался,
Достигаетъ тучи.
Галайда же кричитъ только:
„Мучьте Ляховъ, мучьте!“
Какъ бѣшеный, мертвыхъ рѣжетъ,
Вѣшаетъ, сжигаетъ.
„Дайте Ляха, Жида дайте!
Мало крови, мало!
Дайте Ляха, дайте крови
Наточить поганой!
Крови море.... мало моря....
Оксана, Оксана!
Гдѣ ты?“ вскрикнетъ и спрячется
Въ пламени пожара.
Въ это время Гайдамаки
Столы вдоль базара
Поставили; несутъ, тащатъ,

Все, что захватили,
Чтобы раньше поужинать.
„Гуляй!“ завопили.
Пьютъ, ѣдятъ, и вкругъ казаковъ
Словно адъ краснѣетъ;
А въ пламени повѣшаны
На балкахъ чернѣютъ
Трупы Ляховъ. Горятъ балки
И падаютъ съ ними.
„Пейте, дѣти! пейте, лейте!
Съ панами такими
Еще, можетъ, мы встрѣтимся,
Еще погуляемъ.“
И стаканъ свой Желѣзнякъ
Залпомъ выпиваетъ.
„Пью за трупы этихъ Ляховъ,
За души проклятыхъ
Еще выпью! Пейте, дѣти!
Выпьемъ, Гонта, братъ мой!
Выпьемъ, лихо погуляемъ,
Пока съ тобой вмѣстѣ!
Гдѣ же Волохъ? Отыщите!
Пусть споетъ намъ пѣсню!
Не про дѣдовъ, ихъ не хуже
Ляховъ мы караемъ;
Не про горе, вѣдь мы его
Не знали, не знаемъ.
Веселую хвати, старецъ!
Чтобъ земля ломилась,—
Про вдовицу-молодицу,
Какъ она грустила.

(*Кобзарь играетъ и поетъ:*)

„Отъ села и до села
Музыка и пляска:
Яйца, курицу продамъ —
Башмакамъ дамъ таску.
Отъ села и до села
Буду танцовать я:
Нѣтъ коровы, нѣтъ вола —
Осталася хата.
Я отдамъ, я продамъ
Свою хату куму,
А себѣ подъ плетнемъ
Выстрою другую.
Охъ вы, дѣтки мои,
Мои голубятки!
Посмотрите, поглядите,
Какъ танцуетъ матка.“

—Славно, славно! плясовую,—
Всѣ кричатъ Волоху.
Старикъ хватилъ—и казаки
Пошли понемногу.
Земля гнется: „Ну-ка, Гонта!“
—Ну, Максимъ, попляшемъ!
Погуляемъ, мой голубчикъ,
Потомъ зашабашимъ.

„Не смотрите-ка, дѣвицы,
Что я оборвался;
Вѣдь отецъ мой дѣлалъ гладко,—
Я въ него весь дался“.

—Славно, славно, ай да Волохъ!
Молодецъ, кобзарь ты....

„Ты такъ твори, какъ я творю,
Люби дочку, я говорю,
Иль попову, иль дьякову,
Или просто мужикову.“

Всѣ танцуютъ. Галайда же
Тоскуетъ, бѣдняжка,
Сидитъ себѣ и горюетъ,
Плачетъ, страшно, тяжко,
Какъ ребенокъ. Чего-бъ ему?
И въ красномъ жупанѣ,
Есть и золото, и слава,
Только нѣтъ Оксаны:
Не съ кѣмъ счастьемъ подѣлиться;
Грустно, не поется;
Сиротою, можетъ статься,
Погибать придется.
А того бѣднякъ не знаетъ,
Что его Оксана
За рѣкою, за Тыкичемъ,
Въ хоромахъ съ панами, —
Съ тѣми самыми панами,
Что сожгли, убили
Отца ее. Что, собаки!
Отъ страха застыли
За стѣнами и смотрите,
Какъ жидовъ терзаютъ,
Братьевъ вашихъ? А Оксана
Въ окно выглядаетъ
На Лисянку горящую.
„Гдѣ то мой Ярема?“
Сидитъ, думаетъ, не зная,
Что пришло ужъ время

Быть богатымъ. Не въ рубищахъ,
А въ красномъ жупанѣ
Сидитъ одинъ и думаетъ:
„Гдѣ моя Оксана?
Гдѣ она, моя голубка,
Страдаетъ и плачетъ?“
Тяжко ему.
Вдругъ изъ яра
Въ киреѣ казачьей
Кто-то крадется.
„Ты кто?“
Ярема пытаетъ.
—Я посланецъ пана Гонты.
Пусть онъ погуляетъ,
Обожду я.
„Не дождешься,
Жидюга проклятый!
„Избавь Боже, какой я жидъ!
Видишь? Гайдамакъ я!
Вотъ копѣйка.... посмотри-ка...
Развѣ ты не знаешь?“
—Знаю, знаю—и священый
Казакъ вынимаетъ.
—Признавайся, Жидъ проклятый,
Гдѣ моя Оксана?—
Замахнулся.
„Спаси, Боже!...
Въ хоромахъ.... съ панами....
Вся въ золотѣ....“
—Выручай же!
Выручай, проклятый!
„Клянусь тебѣ, что выручу!
Какой ты завзятый!

Иду сейчасъ и выручу:
Деньги все сломаютъ, —
Скажу Ляхамъ:—вмѣсто Паца".
—Ладно, ладно! знаю.
Иди скорѣй!
„Бѣгу сейчасъ!
Гонту забавляйте
Часъ времени.... а тамъ пускай....
Идите-жъ гуляйте....
Куда-жъ вести?"
—Да въ Лебединъ!
Въ Лебединѣ, слышишь?
„Слышу, слышу...."
И Галайда
Съ Гонтою танцуетъ.
Желѣзнякъ взялъ въ руки кобзу,
А кобзарь пируетъ.

„Въ огородѣ пастарнакъ, пастарнакъ;
Я ли тебѣ не казакъ, не казакъ?
Я ли тебя не люблю, не люблю?
Черевиковъ не куплю, не куплю?

Ой гопъ гопака!
Полюбила казака,
Да рыжаго, да стараго,—
Знать ужъ доля такова.
Иди, доля, за тоскою,
А ты, рыжій, за водою,
Я же сбѣгаю въ кабакъ
И напьюся тамъ вотъ какъ!
Пляшетъ баба, а за ней
Заплясалъ и воробей.

Старикъ рыжій бабу кличетъ,
Она ему шиши тычетъ:
Коль женился, сатана,—
Добывай же намъ пшена;
Нужно дѣтокъ накормить
И сорочекъ имъ нашить,
А ты старый не грѣши,
Знай за печкой колыши,
Да молчи и не дыши.
Какъ была я молодою преподобницею,
Повѣсила я фартучекъ надъ оконницею;
Кто идетъ—не пройдетъ,
Тотъ кивнетъ, тотъ моргнетъ.
А я шелкомъ вышиваю,
Въ окошечко выглядаю:
Вы Семены, вы Иваны,
Надѣвайте-ка жупаны,
Пойдемъ съ вами погулять,
Станемъ пѣсни распѣвать.

„Будетъ, будетъ! кричитъ Гонта!“
„Будетъ, угасаетъ.
Огня, дѣти!... Гдѣ же Лейба?
Гдѣ онъ пропадаетъ?
Найти его и повѣсить.
Петля онъ свинячья!
Гайда, дѣти! угасаетъ
Факелъ нашъ казачій.“
Галайда кричитъ: „Атаманъ!
Погуляемъ, батька!
Смотри, горитъ; на базарѣ
И видно, и гладко.
Потанцуемъ. Играй кобзарь!“

—Не хочу гулять я!
Огня, дѣти! смолы, дегтю!
Пушки подавайте;
Въ тайники огня пустите!
Думаютъ, мы шутимъ!
Заревѣли Гайдамаки:
„Пустимъ, отецъ! пустимъ!“
Черезъ мостъ всѣ повалили,
Кричатъ, распѣваютъ.
Галайда кричитъ: „Отецъ!
Стойте!... погибаю!
Погодите, не убейте:
Тамъ моя Оксана!
Хоть часочекъ, отцы мои!
Я ее достану!“
—Ладно, ладно!... Желѣзнякъ,
Крикни, чтобъ палили.
Церемониться съ врагами...
А ты, сизокрылый,
Найдешь лучше.
Оглянулся—
Казакъ убѣгаетъ.
Ревутъ горы, и хоромы
Съ Ляхами гуляютъ
У тучъ самыхъ. Максимъ кличетъ—
И слѣда не стало....

Пока казаки забавлялись,
Ярема съ Лейбою прокрались
Въ хоромы къ Ляхамъ; тамъ Оксану
Въ подвалѣ мрачномъ отыскалъ,
Схватилъ ее и поскакалъ
Къ Лебедину....

*

ЛЕБЕДИНЪ.

„Я сиротка изъ Вильшаной,
Сирота, бабуся.
Отца Ляхи замучили,
А меня... боюсь я,
Боюсь вспомнить, дорогая...
Увезли съ собою.
Не распрашивай, черница,
Что было со мною.
Я молилась, я плакала,
Сердце разрывалось,
Слезы сохли, душа ныла...
Охъ, еслибъ я знала,
Еслибъ знала, что увижу,
Что увижу снова—
Вдвое, втрое-бъ вытерпѣла
За милаго слово!
Не суди меня, голубка:
Можетъ, я грѣшила,
Можетъ, Богъ за то караетъ,
Что я полюбила,—

Полюбила станъ высокій
И каріе очи,—
Полюбила, какъ умѣла,
Какъ сердечко хочетъ.
Не за себя, не за отца
Молилась въ неволѣ,—
Нѣтъ, родная, я молилась
За милаго долю.
Страшно вымолвить: хотѣла
Погубить я душу.
Если-бъ не онъ... можетъ... можетъ,
Я-бъ и погубила.
Страшно было!... Я думала:
О, Боже великій!
Сирота онъ, безъ меня кто
Его приласкаетъ?
Кто про счастье и про горе,
Какъ я, распытаетъ?
Кто обниметъ, какъ я его,
Кто душу покажетъ?
Сиротѣ кто убогому
„Люблю тебя" скажетъ?
Я такъ думала, черница,
И сердце смѣялось:
Сирота я: безъ матери,
Безъ отца осталась,
И онъ одинъ на всемъ свѣтѣ
Меня вѣрно любитъ;
А услышитъ, что погибла,
И себя погубитъ.
Такъ я думала, молилась,
Ждала, ожидала:
Все нѣтъ милаго, не будетъ,—

Одна я осталась...“
И заплакала. Черница,
У постели стоя,
Загрустила.
„Дорогая!
Скажи ты мнѣ, гдѣ я?“
— Въ Лебединѣ, моя пташка,
Не вставай, больна ты.
„Въ Лебединѣ?... а давно ли?“
—Да вотъ третьи сутки.
„Третьи сутки... постой... постой...
Пожаръ надъ водою...
Жидъ... хоромы... Майдановка...,
Зовутъ Галайдаю...“
— Галайдою Яремою
Себя называетъ
Тотъ, что привезъ...
„Гдѣ онъ, гдѣ онъ?
Теперь все я знаю“
— Чрезъ недѣлю обѣщался
Придти за тобою.
„Чрезъ недѣлю! чрезъ недѣлю!
Ярема со мною!
Ахъ, родная, пролетѣли
Горе да кручина:
Галайда вѣдь—мой Ярема!
Во всей Украинѣ
Его знаютъ. Я видѣла,
Села какъ горѣли;
Я видѣла—враги-Ляхи
Тряслися, блѣднѣли,
Когда скажутъ про Галайду—
Ножъ сверкаетъ, блещетъ.

Они знаютъ, кто Ярема,
Знаютъ, кого ищетъ!
Искалъ меня, нашелъ меня,
Орелъ сизокрылый!
Прилетай же, мой соколикъ,
Мой голубчикъ милый!
Ахъ какъ весело на свѣтѣ,
Какъ весело стало!
Чрезъ недѣлю, дорогая...
Вѣдь три дня осталось.
Охъ, какъ долго!.......
А тебѣ черница
Весело ли?"
— Я тобою
Веселюся, пташка!
„Отчего же не поешь ты?"
— Я свое отпѣла....

Звонятъ въ церкви—и Оксана
Одна осталася;
А черница ко всенощной
Въ церковь поплелася.
Чрезъ недѣлю въ Лебединѣ
Во храмѣ запѣли:
„*Исаія ликуй*!" Утромъ
Ярему вѣнчали;
А вечеромъ мой Ярема,
(Вотъ казакъ примѣрный!)
Чтобъ не сердить атамана,
Оставилъ Оксану—
Кончать Ляховъ. Съ Желѣзнякомъ
Свадьбу онъ справляетъ
На пожарахъ въ Уманьщинѣ.

Она ожидаетъ,—
И все смотритъ, не ѣдетъ ли
Съ боярами въ гости—
Перевесть ее изъ кельи
Въ хату на помостѣ.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, проходитъ лѣто,
Украйна знай себѣ горитъ;
Повсюду плачутъ, стонутъ дѣти—
Отцевъ ихъ нѣтъ. И шелеститъ
Листъ пожелтѣвшій по дубравѣ;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ,
И не слыхать людскаго слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
Гдѣ чуетъ трупъ. Не хоронили,
Волковъ Поляками кормили,
Пока ихъ снѣгомъ занесло.
Не уняли снѣгъ и вьюга
Отчаянной кары:
Ляхи мерзли, а казаки
Грѣлись на пожарѣ.
Пришла весна и всю землю
Отъ сна разбудила.
Увѣнчала всю цвѣтами,
Травой подарила.
Всюду въ полѣ и въ дубравѣ
Птички распѣваютъ,

Землю всю въ цвѣтахъ роскошныхъ
  Весело встрѣчаютъ.
Рай и только! Для кого же?
  Для людей. А люди?
И взглянуть на рай имъ трудно,
  А взглянутъ—осудятъ.
Нужно кровью дорисовать,
  Нужны труповъ кучи;
Солнца мало, цвѣтовъ мало,
  За то дыма тучи.
Ада мало!... Люди, люди!
  Когда же миръ будетъ
Между всѣми, какъ братьями?
  Чудны, страшны люди....

Не уняла весна крови,
  А пожаръ все вдвое:
Взглянуть больно; а какъ вспомнишь—
  Такъ было и въ Троѣ.
Такъ и будетъ.

Гайдамаки
  Рѣжутъ и гуляютъ;
Гдѣ проѣдутъ—земля горитъ,
  Кровью подплываетъ.
Нашелъ Максимъ себѣ сына
  Изо всей Украйны,
Нашелъ сына названаго, —
  Не выдастъ онъ тайны.
Максимъ рѣжетъ, а Ярема
  Не рѣжетъ—лютуетъ:
На пожарахъ, съ ножомъ въ рукахъ,
  Днюетъ и ночуетъ.

Не помилуетъ, не минетъ
Онъ врага лихаго;
За старосту Ляхамъ платитъ,
За отца святаго;
За Оксану.... и взбѣсится,
Вспомнивши Оксану.
Кричитъ Максимъ: „Гуляй, сынокъ,
Пока доля встанетъ!
Погуляемъ!“

Погуляли—
Грудою на грудѣ,
Отъ Кіева до Умани,
Все лежали люди.

Словно туча, Гайдамаки
Умань обступили,
О полуночи; съ зарею
Ее подпалили.
Подпалили закричали:
„Давай польской крови!“
Покатились по базару
Конны narodowi;
Покатились панны, дѣти,
Бѣдные калѣки,
Старики и молодые
Уснули на вѣки.
Кричатъ, плачутъ. На базарѣ,
Словно среди моря
Кроваваго, Максимъ съ Гонтой
Кладутъ труповъ горы.
Стоятъ они на базарѣ,
Бьютъ враговъ заклятыхъ;

Льютъ ихъ кровь, кричатъ казакамъ:
„Такъ ихъ, такъ, проклятыхъ!“
Но вотъ тащатъ Гайдамаки
Ксендза—езуита
И двухъ мальчиковъ: „Эй, Гонта!
Это твои дѣти!
Ты насъ рѣжешь, зарѣжь и ихъ:
Католики—знаешь.
Зарѣжь теперь, а выростутъ—
Тебя же зарѣжутъ...“
— Убейте пса! а щенятъ-то
Я и самъ зарѣжу.
Кличь громаду. Признавайтесь,
Вы католики?
—„Да, тятя...
Вѣдь насъ мать крестила....“
— Замолчите!... знаю, знаю!....
Лучше-бъ утопила.
Собралися Гайдамаки.
— Не дамъ я пощады
Своимъ дѣтямъ-католикамъ,
Господа громада.
Присягнулъ я, взялъ священый...
Дѣти католички....
Дѣти мои, дѣти мои!
Что вы не велички!
Зачѣмъ Ляховъ не рѣжете?
„Будемъ рѣзать, тятя!“
—Нѣтъ, неправда, не будете!
Пусть мое проклятье
Убьетъ Польку, что васъ, дѣти,
Жизнью подарила!
Лучше-бъ васъ она съ зарею

Въ рѣкѣ утопила.
Лучше-бъ было: вы-бъ умерли
Не еретиками;
Но сегодня.... дѣти, дѣти,
Тяжело мнѣ съ вами!
Ну.... прощайте! знайте, что васъ
Не я убиваю,
А присяга.
Махнулъ ножомъ—
И дѣтей не стало!
Покатились убитыя....
„Тятя!“ простонали:
„Тятя, тятя.... мы не Ляхи!
Мы....“ и замолчали.
— Хоронить ихъ?
„Нѣтъ, не нужно!
Дѣти католички,
Дѣти мои, дѣти мои,
Что вы не велички?
Зачѣмъ Ляховъ не рѣзали,
И мать не убили,
Проклятую католичку
Что васъ породила?

Взявъ Максима
Пошли вдоль базара,
И казакамъ закричали:
„Кара Ляхамъ, кара!“
И карали: страшно, страшно
Умань запылала;
Живыхъ въ домахъ и костелахъ
Нигдѣ не осталось—
Всѣхъ убили. Нѣтъ не будутъ

Защищать такъ волю,
Какъ казаки защищали.
Базиліанъ школу,
Гдѣ учились дѣти Гонты,
Гонта разрушаетъ.
„Погубила моихъ дѣтокъ,
Злу ихъ научила;
Ломай стѣны!“
Гайдамаки
Стѣны развалили,—
Развалили и объ камни
Ксендзовъ разбивали,
А питомцевъ всѣхъ въ колодезь
Живыхъ побросали.

До глубокой ночи Ляховъ убивали;
Души не осталось. А Гонта кричитъ:
„Гдѣ вы людоѣды? Гдѣ вы поскрывались?
Вы сгубили дѣтокъ,—охъ, какъ тяжко жить.
Дѣти мои, дѣти, мои чернобровы,
Что мнѣ безъ васъ дѣлать? Дайте крови, крови
Дайте польской крови, мнѣ хочется пить,
Мнѣ хочется видѣть, какъ она краснѣетъ,
Хочется напиться!.... Что-жъ вѣтеръ не вѣетъ
Что-жъ не несетъ Ляховъ?... Тяжело мнѣ жить
Тяжело мнѣ плакать! Праведныя звѣзды!
Скройтесь вы за тучу: вѣдь я васъ не звалъ.
Я дѣтей зарѣзалъ!... О, горе мнѣ, горе!
Гдѣ мнѣ приклониться?“
Такъ Гонта кричалъ:
По Умани бѣгалъ. А среди базара,
Въ крови, Гайдамаки ставили столы;
Гдѣ что захватили—все сюда несли

И сѣли за ужинъ. Послѣдняя кара,
Послѣднiй и ужинъ!
„Гуляй, казаки,
Пейте, пока пьется, бейте, пока бьется!“
Желѣзнякъ кричитъ имъ: „Ну-ка затяни,
Веселую пѣсню; пусть-же земля гнется,
Пусть теперь гуляютъ мои казаки!“

Всѣ гуляютъ. Гдѣ-же Гонта?
Что онъ не гуляетъ?
Что не пьетъ онъ съ казаками?
Что не распѣваетъ?
Нѣтъ бѣдняги. Теперь ему
Вѣрно не до пѣсни.
Но кто это въ черной свитѣ
Бродитъ вдоль базара?
Кто тамъ ходитъ и что ищетъ
При свѣтѣ пожара?
Бродитъ тихо, наклонившись,
Сталъ, разбросилъ груду
Мертвыхъ Ляховъ: что-то ищетъ;
Нагнулся, два трупа
Дѣтей малыхъ взялъ на плечи
И позадъ базара,
Черезъ мертвыхъ онъ шагаетъ,
Кроется въ пожарѣ
За костеломъ. Кто же это?
Гонта, горемъ битый,
Пожелалъ, чтобъ были дѣти
Землею прикрыты.
Чтобъ ихъ тѣло казацкое
Собаки не ѣли.
И по улицамъ, по темнымъ

Гдѣ меньше горѣло,
Понесъ Гонта дѣтей своихъ,
От людей скрывался,
Чтобъ не видѣли, какъ плакалъ
Какъ съ дѣтьми прощался.
Вынесъ въ поле, прочь съ дороги;
Ножъ свой вынимаетъ,
И священымъ роетъ яму.
А Умань пылаетъ,
Свѣтитъ Гонтѣ на работу
И на дѣтокъ свѣтитъ.
Что-же въ заревѣ пожарномъ,
Гонтѣ страшны дѣти?
Что-же Гонта словно крадетъ,
Или кладъ хоронитъ?
Весь трясется. Изъ Умани
Крики вѣтеръ гонитъ,
Тамъ гуляютъ Гайдамаки.
Вдали волкъ завоетъ.
Гонта хату среди степи
Для дѣтей готовитъ.
Приготовилъ. Беретъ дѣтей,
Кладетъ въ эту хату,
И не смотритъ, словно слышитъ:
„Мы не Ляхи, тятя!“
Вынимаетъ изъ кармана
Китайку, рыдаетъ,
Плачетъ, молится и мертвыхъ
Ею покрываетъ.
Накрылъ алою китайкой
Головы казачьи....
Открылъ снова, да и въ слезы....
Страшно, страшно плачетъ.

„Дѣти, дѣти! поглядите
Вы на Украину:
За нее я васъ зарѣзалъ,
За нее самъ сгину.
Но кто меня похоронитъ,
Средь чужаго поля?
Кто заплачетъ надо мною?
Доля моя, доля!
Чѣмъ ты, доля несчастная,
Меня подарила?
Зачѣмъ ты мнѣ дѣтей дала.
Что ихъ не убила?
Безъ вѣночковъ васильковыхъ,
Почивайте дѣти,
Спите съ миромъ, да молитесь,
Чтобъ на этомъ свѣтѣ
Покаралъ меня Всевышній
За грѣхи за эти.
Что католики вы были—
Я прощаю дѣти.“
Сравнялъ землю, покрылъ дерномъ.
Чтобъ люди не знали,
Гдѣ лежали Гонты дѣти,
Гдѣ ихъ закопали.
„Спите, дѣти, отца ждите,
Скоро къ вамъ прибудетъ.
Скороталъ я вѣкъ вашъ, дѣти,
То же и мнѣ будетъ.
И меня убьютъ.... Скорѣй бы!...
Да кто закопаетъ?
Гайдамаки?... Пойду же къ нимъ
Еще погуляю.

Пошелъ Гонта, горемъ битый,
    Что шагъ—спотыкнется.
Пожаръ свѣтитъ; Гонта взглянетъ,
    Взглянетъ—усмѣхнется.
Страшно, страшно усмѣхался,
    На степь оглянулся,
Вытеръ слезы.... и въ пожарномъ
    Дымѣ окунулся.

ЭПИЛОГЪ.

Давно миновало, какъ малый ребенокъ,
Сирота въ рубищѣ, когда-то блуждалъ,
Безъ платья, безъ хлѣба, по родной отчизнѣ,
Гдѣ Желѣзнякъ съ Гонтой съ священымъ гулялъ
Давно миновало, какъ тѣми-жъ тропами,
Гдѣ шли Гайдамаки,—босыми ногами
Ходилъ я и плакалъ, да людей искалъ,
Чтобъ добру учили. Теперь я узналъ,
Узналъ, и жаль, стало, что горе ушло.
Молодое горе! когда-бъ ты пришло,
На тебя бы счастье свое промѣнялъ.
Вспоминаю горе, ту степь безъ границъ,
Отца вспоминаю, и дѣда сѣдаго....
Дѣдъ еще гуляетъ, но умеръ отецъ.
Въ праздники бывало, закрывши Минеи,
Выпивши съ сосѣдомъ по чаркѣ вина,
Отецъ дѣда проситъ, чтобъ тотъ разсказалъ
Про старое время, какъ прежде бывало,
Какъ Желѣзнякъ съ Гонтой Ляховъ покаралъ.
Столѣтнія очи, какъ звѣзды сіяли,
А слово за словомъ смѣялось, лилось:

Какъ Ляховъ терзали, какъ Смила горѣла,
Сосѣди отъ страха, отъ горя нѣмѣли.
И мнѣ мальчугану не разъ привелось
За старосту плакать. И никто не видѣлъ,
Какъ малый ребенокъ рыдалъ въ уголкѣ.
Спасибо же дѣду, что онъ сохранилъ
Въ головѣ столѣтней ту удаль казачью:
Теперь же я внукамъ ее разсказалъ.

Погуляли Гайдамаки,
Славно погуляли:
Чуть ли не годъ шляхетскою
Кровью поливали
Всю Украйну, и замолкли—
Ножи иззубрили.
Нѣту Гонты и нѣтъ ему
Креста, и могилы.
Буйны вѣтры разметали
Пепелъ Гайдамаковъ,
И некому помолиться,
Некому заплакать.
Одинъ только братъ названый
Остался на свѣтѣ,
Да и тотъ—узнавъ, что страшно
Проклятыя дѣти
Брата его замучили,
Желѣзнякъ заплакалъ,
Въ первый разъ то; слезъ не вытеръ,
Умеръ онъ бѣдняга.
Тоска его задавила
Средь чужаго поля,
Въ чужой землѣ уложила:
Такова знать доля!

Грустно—грустно Гайдамаки
Желѣзную силу
Закопали, насыпали
Надъ прахомъ могилу;
Заплакали, разошлися:
Откуда взялися.

Одинъ только мой Ярема
На палку склонился,
Стоялъ долго. „Спи же, батька,
Средь чужаго поля,
На своемъ ужъ нѣту мѣста.
. . . .
Пошелъ степью онъ, бѣдняга,
Слезы утираетъ.
Долго, долго озирался,
И не видно стало;
Лишь могила среди степи
Черная осталась.

Разошлися Гайдамаки,
Какой куда знаетъ:
Кто домой, а кто въ дубраву,
Авось доканаютъ
Ножомъ святымъ Жидовъ, Ляховъ.
А все-таки слава
Останется. Въ это время
Сѣчь уничтожали:
На Кубань ушли и дальше,
Только и остались,
Что пороги среди степи
Ревутъ, завываютъ:
„Схоронили нашихъ дѣтокъ,

И насъ разрываютъ!“
Ревутъ себѣ, да пусть ревутъ —
Люди ихъ забыли,
И Украина на вѣки,
На вѣки уснула.

И съ тѣхъ поръ на Украйнѣ
Жито зеленѣетъ;
И нѣтъ плача, и нѣтъ шума,
Только вѣтеръ вѣетъ,
Нагибаетъ вербу въ лѣсу
И траву на полѣ.
Все умолкло. Знать на это:
Была Божья воля!

НЕВОЛЬНИКЪ.

Поэма.

НЕВОЛЬНИКЪ.

ПОЭМА.

Думы мои молодые—
 Угрюмые дѣти,
И вы меня оставили!..
 Хату натопить мнѣ
Ужъ некому... Остался я—
 Но не сиротою,
А съ тобою, заря моя,
 Родной, дорогою,
Моя звѣзда предсвѣтная
 Единая дума.
Пречистая!.. ты витаешь,
 Словно какъ у Нумы
Его нимфа Эгерея,—
 Такъ ты просіяешь,
Моя звѣзда, надо мною,
 Или слово скажешь,
Улыбнешься... И смотрю я
 Ничего не вижу....
А очнуся... сердце плачетъ—
 И свѣта не взвижу.

Не ясный день мой уплываетъ;
Надъ головой уже несетъ
Свою безжалостную косу
Косарь ужасный... молча скоситъ,—
А тамъ и слѣдъ мой занесетъ
Холодный вѣтеръ... Все пройдетъ!
Тогда ты вспомнишь, молодая,
Съ горькими слезами
Мою думу—и тихими,
Тихими рѣчами,
Ты промолвишь: я любила
Его въ этомъ свѣтѣ—
Да и въ томъ любить я буду...
Милый, тихій свѣтъ мой.
Моя звѣзда вечерняя,
Я буду носиться
Надъ тобою, за тебя же
Господу молиться!

Тотъ блуждаетъ за морями.
Свѣтъ весь перебродитъ,
Доли—счастія онъ ищетъ—
А все не находитъ...
Словно нѣтъ ея; тотъ рвется,
Сколько хватитъ силы,
За долею.... вотъ, вотъ догналъ
И упалъ въ могилу!
У другаго же бѣдняги
Ни хаты, ни поля,
Мѣшокъ только, а въ мѣшкѣ томъ
Сидитъ себѣ доля.
Словно дѣтка; а онъ ее
Бранитъ, проклинаетъ,

За косушку въ кабакъ несетъ. —
Нѣтъ, не покидаетъ!
Какъ репейникъ уцѣпится
За рваныя полы,
Собираетъ колосочки
Средь чужаго поля.
Потомъ—снопы, потомъ—скирды.
А—тамъ и палаты.
Сидитъ себѣ нашъ бѣдняга,
Словно въ своей хатѣ.
Вотъ такая доля эта;
Хоть и не ищите:
Коль захочетъ—сама найдетъ.
Ребенкомъ отыщетъ.

Старикъ казакъ и дѣтокъ двое
Въ Украйнѣ жили: горе злое
Ихъ не тревожило, неслось,
Неслось ихъ время золотое....
То было въ полдень, въ воскресенье,
Купаясь въ солнечныхъ лучахъ,
Подъ хатою въ сорочкѣ бѣлой
Сидѣлъ съ бандурою въ рукахъ,
Старикъ казакъ.
—И такъ сякъ!
(Старикъ сидитъ и размышляетъ.)
И нужно-бъ, думаетъ, и жаль.
А нужно будетъ; два, три года
Пускай по свѣту онъ порыщетъ
Да свое счастіе поищетъ,
Какъ я отыскивалъ... —Орина!

А гдѣ Степанъ?—„Да вонъ, подъ тыномъ,
Онъ словно вкопанный стоитъ.“
— Я и не вижу! Ну, зови
И приводи его съ собою ...
Хочу тряхнуть я стариною!—
И хватилъ по струнамъ.
Игралъ старикъ, а Орина
Съ Степаномъ танцуетъ.
Старикъ весело играетъ
И пѣсенку подпѣваетъ....
—Теперь, дѣтки, вотъ какую!
И старикъ поднялся:
Какъ ударилъ, какъ пустился,
Даже въ боки взялся....
—Нѣтъ, не то ужъ,—подтопталась,
Устарѣла сила,
Утомился.... А вѣдь вы все
Меня соблазнили.
А чтобы вамъ!... Охъ, вы годы!
Тяжелое бремя.
Миновалось. Иди дочка,
Пополдничать время,
Поищи—ка тамъ, хозяйка,
Чего-нибудь въ печкѣ,
Иди-жъ дочка.... А ты сынокъ
Послушаешь рѣчи.
Вотъ садись. Когда убили
На войнѣ Ивана—
То отецъ твой,—ты остался
Маленькимъ Степанъ мой—
И не ползалъ.—„Такъ я не сынъ?
Я чужой вамъ, батька?“
— Да не чужой, ты послушай:

Умерла и матка,
Твоя матка, тогда сказалъ
Я своей Маринѣ—
Женѣ моей: а что, сказалъ,
Не взять ли за сына—
Тебя-бъ это? Согласилась
И моя Марина:
„Отчего-же?"—Взяли тебя
Мы, и спаровали
Съ своей дочкой Оринушкой....
А теперь осталось
Вотъ что дѣлать: ты въ годахъ ужъ
И Орина зрѣетъ;
Нужно будетъ людей искать
Да что-нибудь дѣлать.
Какъ ты скажешь?—„Я не знаю,
Вѣдь я думалъ.... это....
— Что Орина сестра тебѣ?
А вышло не это,
Вышло просто: любитесь вы,
А тамъ сватьба будетъ.
А пока-что, нужно тебѣ
Ѣхать къ чужимъ людямъ
Присмотрѣться, какъ живутъ тамъ:
Въ праздники и въ будень.
Тогда увидимъ мы, что будетъ.
Кто не умѣетъ хлѣбъ добыть,
Тотъ не съумѣетъ и пожить.
Такъ какъ ты думаешь, мой милый?
Не думай: если хочешь знать,
Гдѣ лучше горемъ торговать,
Ступай ты въ Сѣчь. Какъ Богъ поможетъ,
Добудешь что—такъ принесешь,

А не добудешь—проживешь
Мое добро! Ну, вотъ и все!
Помолившись Богу,
Осѣдлаемъ буланаго
Да и маршъ въ дорогу!
А теперь пойдемъ домой мы,
Можетъ ужъ, Орина
Приготовила намъ полдникъ?
Ну, такъ вотъ какъ сынъ мой!

Не ѣстся, не пьется и сердце не бьется,
И очи не видятъ, болитъ голова.
Вмѣсто куска хлѣба—за ложку берется.
Посмотритъ Орина и тихо смѣется.
—Что это съ нимъ сталось? Не ѣстъ и не пьетъ,
Ничего не хочетъ! Ужъ не заболѣлъ-ли?
У тебя должно быть голова болитъ?—
Орина пытаетъ. Старику нѣтъ дѣла,
Словно и не слышетъ. „Ужъ жать-ли, не жать,
А посѣять нужно.„ Отецъ размышляетъ
Про себя бы словно: „Давайте вставать,
Къ вечерни мнѣ нужно еще поплестися,
А ты, Степанъ, ложись-ка спать,
Вѣдь завтра рано нужно встать
Да коня сѣдлать.“

„Степанъ, милый мой, голубчикъ!
Скажи о чемъ плачешь?
Улыбнися.... И глядѣть-то
На меня не хочешь,
И я плачу. Разсердился,
Глядитъ на дорогу,
Говоритъ со мной не хочетъ,—

Убѣгу, ей-Богу,
Да и спрячусь въ огородѣ....
Скажи же, Степанъ мой,
Можетъ вправду заболѣлъ ты?
Я зелья достану,
Побѣгу я за бабкою,
Пусть она полечитъ".
— Нѣтъ, Орина, мое сердце,
Мой розовый цвѣтикъ,
Я не братъ тебѣ, Орина!
Завтра я покину
Тебя, отца,—на чужбинѣ
Гдѣ-нибудь и сгину.
А ты меня не вспомянешь,
Забудешь Орина,
Меня, брата.—„Да опомнись.
Съ глазу заболѣлъ ты!
Не сестра я—да кто же я?
О Боже мой, свѣтъ мой!
Что мнѣ дѣлать? Отецъ ушелъ,
А Степанъ мой бредитъ,
Умретъ еще. О, Боже мой!
А онъ и не вѣритъ,
Словно на смѣхъ. Насупился.
Будто и не знаетъ,
Что безъ него и батюшки
И меня не станетъ?"
— Нѣтъ, Орина, я не брошу
Я только поѣду
Не далеко. А на тотъ годъ
Я снова пріѣду
Со сватами—за тобою
Да за рушниками...

Ты подашь-ли?—„Да ну, тебя
Съ твоими сватами,
Еще шутитъ!„—Не шучу я,
Ей-Богу, Орина,
Не шучу я!...—„Такъ ты вправду
Завтра насъ покинешь,
Меня, отца? Да правда-ли?
Скажи, это шутка?
Не сестра тебѣ я развѣ“?
— Нѣтъ, моя голубка,
Мое сердце!—„О, Боже-жъ мой!
Зачѣмъ я не знала?
Когда-бъ знала, не любила-бъ,
И не цѣловала....
О, срамъ! о, стыдъ! Прочь скорѣе!
Пусти меня! Видишь,
Какой добрый! Вѣдь ты знаешь,
Что меня обидишь,
Коль не пустишь!„—Заплакала
Бѣдная Орина,
И сквозь слезы все шептала:
„Покинетъ! покинетъ!„

Словно яворъ надъ водою,
Степанъ наклонился,
Тяжко слезы казацкія
Въ сердцѣ запеклися,
Въ аду словно. А Орина,
То клянетъ, то проситъ.
То умолкнетъ, да и снова
И снова голоситъ.
Вотъ и вечеръ наступаетъ:
И сестру и брата,

Словно скованныхъ цѣпями,
Засталъ отецъ въ хатѣ.

Разсвѣтаетъ, а Оринѣ
Не спится,—рыдаетъ.
А Степанъ ужъ у криницы
Коня убираетъ.
Она туда-жъ побѣжала,
Будто за водою,
Съ ведромъ въ рукахъ. Въ это время
Казацкую сбрую
Старикъ вынесъ изъ амбара.
Чиститъ и радѣетъ,
Примѣряетъ, будто снова
Старикъ молодѣетъ.
И заплакалъ.—„Сбруя моя,
Сбруя золотая!...
Годы мои молодые,
Сила молодая!
Послужи ты, моя сбруя,
Юношеской силѣ,
Послужи ему, такъ вѣрно,
Какъ ты мнѣ служила!“

Возвратились отъ криницы
И Степанъ сѣдлаетъ
Коня, друга-товарища,
Жупанъ надѣваетъ.
А Орина даетъ сбрую,
Слезы утирая,
Степанъ ее надѣваетъ,
И оба рыдаютъ.
Съ боку сабля, какъ гадюка,

Убрана камня́ми,
Самопалъ семипяденный
Повисъ за плечами.
Вся сомлѣла, увидавши;
И старикъ заплакалъ,
Какъ увидѣлъ на лошади
Такого казака.
Ведетъ коня за поводья
И плачетъ Орина;
Старикъ—отецъ идетъ рядомъ,
Поучаетъ сына:
Чтобы въ битвѣ былъ онъ первымъ,
Съ казаками знался,
Уважалъ бы старшинъ своихъ,
Въ таборъ не скрывался.
„Будетъ тебѣ Богъ защитникъ!"
Какъ прощаться стали,
Сказалъ отецъ, и всѣ трое
Разомъ зарыдали.
Степанъ гикнулъ и пыль столбомъ
За нимъ поднялася.
„Ну, скорѣй же, мой сыночекъ,
Скорѣй возвращайся!"
Старикъ сказалъ. А Орина,
Словно бы калина
При долинѣ, наклонилась...
Молчала Орина.
Только смотритъ на дорогу,
Слезы утираетъ;
Степанъ выглянетъ изъ пыли,
Снова пропадаетъ;
Словно шапка черезъ поле
Катится, мелькаетъ,

Пропадаетъ, и мошкою
Въ дали исчезаетъ...
И не видно. Долго, долго
Орина стояла,
Все думала: не увижу-ль?
Нѣтъ, не увидала,—
Исчезъ въ пыли. А потомъ ужъ
И пыль разнеслася.
Заплакала Оринушка,
Домой поплелася.

Проходятъ дни; проходитъ лѣто;
Настала осень, шелеститъ
Листъ пожелтѣвшій; какъ убитый,
Старикъ подъ хатою сидитъ.
Его дочь, милая Орина,
Лежитъ больна, и сиротиной
Его оставитъ. Съ кѣмъ дожить,
И кто снесетъ его въ могилу?
Степана вспомнилъ молодаго,
Пришли на память и года,—
Все, все онъ вспомнилъ и заплакалъ
Сѣдой, богатый сирота.

„Въ твоихъ рукахъ все на свѣтѣ,
Всюду твоя воля!
Пусть же будетъ такъ, какъ хочешь,
Знать такая доля!...“
Старикъ вымолвилъ, и началъ
Богу онъ молиться;
Пошелъ тихо изъ-подъ хаты
Въ садикъ освѣжиться.
И барвинкомъ, и зеленью,

Цвѣтами вѣнчаетъ
Весна землю, какъ дѣвицу
Ее убираетъ.
И солнышко среди неба
Поднялось и стало,
Женихъ словно, молодую
Землю озирало
И Орина вышла въ садикъ
На свѣтъ Божій взглянуть,
Едва вышла; улыбнется,
То пойдетъ, то станетъ,
На все смотритъ, удивляясь,
Вездѣ цвѣтовъ море,
Будто вчера лишь родилась....
А лютое горе
Въ сердцѣ снова поднялося,
Радость возмутило.
Какъ цвѣточекъ подкошенный,
Орина склонилась,
Какъ изъ травки роса утромъ,
Слезы полилися....
И надъ нею отецъ старый
Какъ дубъ наклонился.

Поправилась Оринушка.
Идутъ люди въ Кіевъ,
И въ Почаевъ помолиться
Она идетъ съ ними.
И Тамъ въ Кіевскихъ святыняхъ
Всѣмъ святымъ молилась;
Тамъ три раза въ церкви Спаса
Она пріобщилась.
Пошла она и въ Почаевъ

Молиться,—хотѣлось:
Чтобъ Степанъ ей, ея счастье,
Хотя разъ приснилось.
Не приснилось... Возвратилась....
Снова забѣлѣли
Снѣги бѣлы. За зимою
Вновь зазеленѣла
Весна Божья. Вышла снова
По двору пройтиться
Оринушка. Но не Богу
Святому молиться.
А тихонько къ ворожейкѣ
Она побѣжала,
Ей про милаго Степана,
Чтобы погадала.

И ворожка ворожила,
Надъ водой шептала,
Счастье, долю и веселье
Воскомъ выливала.
Посмотри: вотъ конь сѣдланый
Бьетъ въ землю ногою
Подъ казакомъ. А вонъ идетъ
Старикъ съ бородою,
До колѣнъ она. Вотъ деньги—
Еслибъ догадался
Казакъ этотъ пугнуть дѣда.....
Славно!—испугался.
За могилой смотритъ—деньги....
Вотъ снова пустился
Въ путь казакъ, какъ будто старый?
Нѣтъ, онъ нарядился,
Чтобы Ляхи, иль Татары

Съ нимъ не повстрѣчались;
И веселая Орина
Домой возвращалась.

Уже третій и четвертый,
Пятый улетаетъ
Годъ не малый, а Степанъ нашъ
Все не пріѣзжаетъ;
И дорожка—тропиночка,
Яромъ и горою
Пролегавшая къ ворожкѣ,
Поросла травою,—
Все нѣтъ милаго! Монашкѣ
Косу расплетаетъ
Бѣдняжечка, а надъ нею
Плачетъ и рыдаетъ
Отецъ старый—„Ну, хоть лѣта,
Хоть Петра дождися,
Или Троицына дня“....

Дождались и хату
Всю убрали цвѣточками;
И въ сорочкахъ бѣлыхъ,
Словно сироты-бѣдняжки,
Подъ хатою сѣли.
Сидятъ себѣ и тоскуютъ
Слушаютъ..... играетъ
Будто кобза на улицѣ....
Кобзарь распѣваетъ.....
Поетъ пѣсню, какъ въ неволѣ,
Съ Турками онъ бился,
Какъ за это его били,
Какъ очей лишился.

Какъ въ оковахъ его Турки,
Мучили, томили,
Какъ бѣжалъ онъ и казаки
Его проводили.
Долго слушала Орина ...
Зарыдавъ, упала....
„Боже, Боже, Степанъ милый!“
Она закричала.
„Степанъ милый, сердце мое,
Гдѣ ты загулялся?
Отецъ, отецъ, иди скорѣй, —
Нашъ Степанъ явился!“
Пришелъ старикъ, присмотрѣлся,
Своего Степана
Не узнаетъ. Вотъ что съ бѣднымъ
Сдѣлали кандалы.
Плачетъ старикъ и рыдаетъ;
Слезы полилися
Изъ слѣпыхъ очей Степана:
Откуда взялися.
Кобзаря берутъ подъ руки,
Ведутъ его въ хату,
Принимаетъ Оринушка
Какъ роднаго брата;
Ему голову чесала
И ноги умыла,
И въ сорочкѣ тонкой, бѣлой
За столъ усадила;
Накормила, напоила,
И спать на кровати
Уложила, тихохонько
Выбралась изъ хаты.

Безъ сватовъ черезъ недѣлю
За Степана сваталъ
Старикъ свою Оринушку,—
И Орина въ хатѣ.
„Нѣтъ, не нужно, мой батюшка,
Не нужно Орина!“
Сказалъ Степанъ,—„ я ужъ сгинулъ,
Навсегда я сгинулъ!
За что-жъ свои молодые
Годы ты погубишь
За калѣкою, Орина?
Насмѣются люди,
И Богъ святой покараетъ,
И прогонитъ долю,
Изъ веселой нашей хаты,
На чужое поле....
Нѣтъ, Орина, мужъ найдется.
Проси только Бога,
А я пойду въ Запорожье
И тамъ понемногу
Доживу„—Нѣтъ, мой голубчикъ,
Нѣтъ, Степанъ. мой милый.
И Господь тебя оставитъ,
Если насъ покинешь.
Оставайся лучше съ нами;
Не хочешь ты брака,
То такъ будетъ: я сестрою,
А ты будешь братомъ.
Будемъ дѣтьми съ тобой оба
Батюшкѣ сѣдому.
Нѣтъ, Степанъ, не оставляй насъ,
Не бросай насъ снова!
Вѣдь не бросишь?..—„Нѣтъ, Орина“.

И Степанъ остался.
Старикъ счастливъ, какъ ребенокъ
И за кобзу взялся.
Хотѣлъ сыграть *мятелицу*,
Сколько хватитъ силы,
Да не сыгралъ....

До полночи постоянно
Они толковали
А Орина всѣмъ хозяйствомъ
Своимъ заправляла.
Да святыхъ всѣхъ умоляла,
Своего добилась:
Что на всеѣдной недѣлѣ,
Нашъ слѣпецъ женился
На сестрѣ.
Вотъ такъ-то, люди,
Случилось на свѣтѣ.
Мои милыя дѣвицы
Такія то бѣды,
Да, случилось. Поженились
Мои молодые;
Можетъ оно и не кстати,
Да что же мнѣ дѣлать,
Когда это случилося.

Годъ ужъ улетаетъ,
Прошелъ другой. Съ своимъ милымъ
Орина гуляетъ

*) Плясовая пѣсня.

По садику. Отецъ старый
Веселый, довольный,
Учитъ внука-пузаньчика
Отдавать поклоны.

МОСКАЛЕВА КРИНИЦА.

Поэма.

МОСКАЛЕВА КРИНИЦА.

ПОЭМА

Не на родимой Украинѣ,
А за Ураломъ, на чужбинѣ,
Старикъ, знакомый мой, *варнакъ*,
Мнѣ часто говорилъ вотъ такъ
Про ту солдатскую криницу;
А я, услышавъ, записалъ,
Тихонько риѳму подобралъ,—
Недорогую, небольшую
(Укралъ, извѣстно!) написалъ
Тебѣ поэму для помина,
Мой другъ правдивый, мой единый!

I

Послѣ студенѣйшей зимы,
Когда война шла, при царицѣ,
Солдатъ ту выкопалъ криницу,
А какъ онъ выкопалъ, то мы
Вамъ и разскажемъ на досугѣ,

А вы записывайте, други,
Такую рѣчь и записать
Не будетъ лишне—вѣдь не сказку,
А быль хочу вамъ разсказать.
Пишите такъ: была криница....
Нѣтъ, не криница, а село—
Давно то время ужъ прошло,
Когда съ садами, при долинѣ,
На нашей милой Украинѣ,
Стояло Божее село.

И въ томъ селѣ вдова жила,
При ней и дочь ея росла,
Да мальчикъ маленькій—сынокъ.
Житье было куда плохое:
Сама вдова да дѣтокъ двое,
О нихъ подумай, хлопочи,—
Не въ монастырь ли ужъ пойти.

Такъ жаль малютокъ-дѣтокъ стало
(Извѣстно, мать, что ни толкуй!)
А можетъ, зятя поджидала,
Вѣдь дочка Катя подростала,
Не вѣкъ же бѣдной просидѣть
Въ дѣвицахъ, брови износить,
За что жъ?--за то, что сирота?
А красота-то, красота!
Мой Боже правый! Я красивѣй,
И лучше Кати не видалъ.
Кротка, послушна, и дурнаго
О ней я слова не слыхалъ.
Бывало выглянетъ изъ хаты,
Цвѣточекъ словно изъ росы,

Какъ словно солнышко изъ тучи:
Остолбенѣю, не живымъ
Стою бывало....
И ни кара
Ни оковы, милый,
Даже годы уничтожить
Той любви не въ силахъ.
Не забыть мнѣ Катерины,
Вѣрно такъ и сгину.
Такъ и сгину! Посмотри же:
Смерти ожидаю,
А какъ вспомню, Катерину,
Такъ вотъ и рыдаю,
Какъ ребенокъ... Слушай милый,
Слушай, другъ правдивый
Слушай, слушай, а запишешь,—
Такъ на Украинѣ,
Послѣ скажешь, что ты слушалъ
На яву ушами,
И что дьявола ты видѣлъ
Своими глазами.

II.

Такъ видишь ли, дѣвица та,
Росла себѣ; и работящій,
Изъ дома въ домъ весь вѣкъ бродящій
Наемникъ выросъ, сирота;
Работалъ онъ усердно, много,
Копилъ деньжонки понемногу,
Одежу справилъ, а потомъ
Имѣлъ и садикъ свой и домъ.

Сказалъ спасибо добрымъ людямъ
За хлѣбъ, добро все, и желалъ
Жениться; скоро ко вдовѣ
Сватовъ своихъ онъ подослалъ.
Не торговались со сватами,
Какъ то бываетъ съ богачами.
Попъ повѣнчалъ за рубль ихъ въ будень,
Безъ шума, пѣсень, какъ пришлось...
Вотъ здѣсь-то, милый мой голубчикъ,
Вотъ здѣсь и горе началось.

III.

То было, знать, послѣ Покрова,
Я возвратился; тогда снова
(Я ужъ два раза посылалъ
Сватовъ своихъ за рушниками)—
Послать и въ третій замышлялъ,—
Да съ чумаками и возами,
Съ своими вѣрными волами,
На свадьбу къ Кати и попалъ.
Пропало... все добро пропало...
Пылинки даже не осталось!
Пропалъ и я!—но не въ шинкѣ,
........на вѣку
Всѣ люди горе видятъ, милый,
Но горя страшнаго никто,
Никто и въ далекѣ не видѣлъ,
Какъ я лукавый!....
Сижу въ шинкѣ съ пьянчугами
Душу пропиваю.
Да и пропилъ! Продалъ тѣло,—

И душа пропала;
Тѣло плети... ну, а душу...
Къ дьявому попала!..
Какъ хотѣлъ бы жить на свѣтѣ,
Да нужно учиться,
Съ дѣтства надобно учиться,
Съ бѣдой, горемъ, биться.
А не то побьютъ, накажутъ!
Не знаю, мой милый,
Сатана ли ковы строилъ,
Иль я не осилилъ,
Иль моя то злая доля
Съ толку меня сбила?
Вѣдь не знаю я до нынѣ,
Не знаю, мой милый....
Знаю только, что тверезый
(Вѣдь тогда ни ви́на
Ни меда́, ни пиво, брага,
Не пились мнѣ, сынъ мой)!
Вотъ такое сотворилось!
Вынесли изъ хаты,
Родныхъ моихъ, на кладбище,
А я какъ проклятый,
Какъ Іуда отвергнутый—
И людьми и Богомъ,
Склоняяся, скрываяся,
Дожилъ по-немногу
До того, что ночью тихо
Максимову хату,
(Вѣдь врага Максимомъ звали,
Моей вдовы зятя)
Подпалилъ! Сгорѣла хата...
А душа... проклятье!

Не сгорѣла моя душа,
Моя душа, братъ мой!
Не сгорѣла, осталася,
Тлѣетъ, ноетъ, стынетъ,
И когда она сотлѣетъ,
Когда опочинетъ,
Святой знаетъ...

IV.

Испугалась Катерина,
И ея не стало;
И въ могилу, вблизи хаты,
Ее закопали.
А Максимъ на пожарище
Да на попелище
Поглядѣлъ... лишь вѣтеръ вѣетъ
Съ силою, да свищетъ
Въ трубы голыя, да печи.
Что тутъ станешь дѣлать?
И что теперь ему начать?
Подумавши, перекрестясь,
Пошелъ онъ снова добывать
Въ наймахъ свой хлѣбъ и работать.
Вдова осталась не одна,
А съ сыномъ парнемъ, и желала
Его скорѣе спаровать.
Какъ вдругъ! .. отъ матушки Царицы,
Изъ нашей сѣверной столицы,
Пришелъ указъ въ солдаты брать.
Вѣдь на Украинѣ бывало
Въ казаки всѣ охотно шли,

А въ пикинеры вербовали,
Но то охотниковъ... въ селѣ
Изъ насъ сталъ каждый размышлять—
Кого въ солдаты отдавать.
Присудили громадою—
Чтобъ отдать въ солдаты
Вдовы сына,—осталася
Она одна въ хатѣ.
Вотъ такая въ свѣтѣ правда.
Межъ людями, сынъ мой,
Горе бѣдному!—а правда?
Нѣтъ ея, мой милый!....

V.

„Нѣтъ ужъ, вѣрно, добры люди,
Не такъ это будетъ,
Вотъ такъ развѣ", Максимъ сказалъ.
„Я не выйду въ люди,
Въ работникахъ. Пойду служить;
Пусть же, сказалъ, вдовій сынъ
Да нестанетъ подъ аршинъ,
А я стану".
Изъ пріема
Домой воротился
Сынокъ къ матери-вдовѣ;
А Максимъ поплелся,
Пошелъ себѣ онъ въ солдаты,
Помолившись Богу,
Тогда и мнѣ становилось
Легче понемногу.
И стало легче на душѣ.

*

Чего же стало легче мнѣ?
Врага, я думалъ, ужъ нестало…
И въ груди сердце перестало
Стонать и ныть. О, Боже мой!
Моя мятежная душа,
Кого боялася она?
Кого боялася?... Максима?
Нѣтъ не Максима, а другихъ..
Страшилась дьяволовъ одних:
Я имъ съ усердіемъ служилъ,
И ихъ бояться долженъ былъ…

VI.

Великая, черезъ годъ,
Зима наступила;
И до Троицына дня
На степяхъ бѣлѣли
Снѣги бѣлы.—Въ эту зиму
И Очаковъ брали
Москали, и въ то же время
Сѣчь уничтожали.
Подъ Очаковъ
Угнали Максима:
Скоро его изранили,
И на Украину
Возвратили съ отставкою
Правую ли ногу,
Иль лѣвую оторвали—
Не помню, ей-Богу.
Только лютая, я помню,
Гадина впилася

Въ мое сердце, и вкругъ его
Трижды обвилася,
Словно *ироды*. Что тутъ дѣлать?..
Тяжело мнѣ, страшно,
А Максиму горя мало,
Ходитъ себѣ важно
На колодкѣ, и о горѣ
Словно не гадаетъ,
Въ Воскресенье же святое
Мундиръ надѣваетъ,
И медаль, и крестъ приколетъ.
Косу заплетаетъ
И мукой ее посыпетъ.
(До нынѣ не знаю,
Зачѣмъ это солдатики
Косы заплетали?
Словно дѣвицы, святую
Муку разсыпали?
Для забавы мнѣ кажется,
Больше для чегоже?)
Въ Воскресеніе бывало,
Максимъ во храмъ Божій
Уберется и молиться,
Туда захромаетъ,
Станетъ себѣ на клиросѣ,
Поетъ, распѣваетъ
Съ дьячкомъ вмѣстѣ, а то возьметъ
Да и прочитаетъ
Апостола среди церкви
(Читать научился
У солдатъ онъ). Что за славный
Парень уродился
Максимъ этотъ: работящій,

Ласковый, завидитъ
Онъ бѣднягу, подѣлится
Съ нимъ; и не обидитъ
Никого не только дѣломъ,
Не обидитъ словомъ
„Намъ богатство и несчастье“
Говоритъ,—„отъ Бога.
И любить, любить, молиться
Мы должны Святому.“
Рѣдкій мужъ, на этомъ свѣтѣ,
Былъ Максимъ, мой милый,
А я... а я... сказать страшно,
Боже!... я. постылый,
Убилъ его!... Погоди-ка,
Отдохну немного,
И тогда ужъ...

VII.

Такъ ты сказалъ,
Что видѣлъ криницу
Москалеву, что до нынѣ
Пьютъ изъ нея воду.
И крестъ видѣлъ близь дороги
И теперь Господній
Стоитъ себѣ на раздольѣ;
А не разсказали
Тебѣ люди ничего тамъ?
Всѣ поумирали
Мои сверстники; то были
Праведные люди;
А я теперь терзаюся,

И терзаться буду
И въ томъ мірѣ...
Вотъ послушай,
До чего доводитъ
Искуситель нашу душу,—
Пока не очнется
И съ молитвой не прибѣгнетъ
Къ Богу; и вопьется
Онъ какъ клещъ далеко въ сердце....
Вотъ послушай, сынъ мой,
Про Максима праведнаго:
Онъ не одпочинетъ,
Рукъ не сложитъ; воскресенье,
Праздникъ ли-случится,
Онъ беретъ псалтырь ужъ въ руки,
И тихо плетется
Въ свой садочекъ: (въ томъ садикѣ,
Подъ тѣнью черешень,
Схоронилъ онъ Катерину....)
И вотъ тамъ, подъ вишней,
За упокой души ея
Псалтырь почитаетъ,
Потомъ станетъ онъ молиться
Тихо распѣваетъ:
„Со святыми“ и заплачетъ,
А потомъ помянетъ:
„О здравіи“—тещу съ сыномъ,
И веселый станетъ.
Если-жъ будень,—то онъ тебѣ
Не посидитъ въ хатѣ—
По хозяйству работаетъ.
„Нужно работати,“
Скажетъ себѣ по-московски:

„А то, лежа въ хатѣ,
И опухнешь.“ Взялъ онъ, какъ-то,
Заступъ и лопату,
И поплелся себѣ въ поле,
Чтобъ копать криницу.
„Пусть онъ думаетъ, народъ
Пьетъ себѣ водицу,
За мою же станутъ душу
Господу молиться.“
Вышелъ въ поле, прочь съ дороги,
Въ долину спустился,
Да и выкопалъ въ долинѣ
Большую криницу.
(Не онъ одинъ, а обществомъ
Ему помогали,
Люди добрые толпою
Криницу копали).
Обложилъ ее всю дерномъ
Близъ дороги въ полѣ,
Онъ высокій крестъ поставилъ:
Со всего раздолья
Видно было широкаго,
Чтобъ людъ понемногу
Узнавалъ, что здѣсь криница
Есть вблизи дороги,
Чтобы люди приходили
Къ ней воды напиться,
Да за того, кто выкопалъ
Богу помолиться.

VIII.

А теперь уже, вотъ видишь,
Дошло понемногу
До того, что собираюсь
Убить я святаго!...
Убить его!.... Да за что же?—
За то, за что Каинъ
Убилъ брата праведнаго....
. . . .
Было ли то въ воскресенье,
Или праздникъ, братъ мой,
Слушай другъ, какъ научаетъ
Сатана проклятый.
„Пойдемъ,“ сказалъ, „мы, Власовичъ
На твою криницу,
Погуляемъ“—Пойдемъ, молвилъ.
Да тамъ и водицы
Мы напьемся холодненькой.—
Пошли за водою,
И ведерце и веревку
Взяли мы съ собою.
Вотъ, приходимъ мы къ криницѣ;
Къ ней я наклонился—
Глубоко-ли? „Нѣтъ, Власовичъ“
Сказалъ, „потрудися
Воды достать; не достану...“
Онъ и наклонился,
Опускаючи ведерце,
А я.... я за ноги
Схватилъ его, да и вбросилъ

Максима святаго
Въ ту криницу....
Вотъ такое
Сотворилъ я, сынъ мой!
Вѣдь этого не творилось
Въ нашей Украинѣ!
Да врядъ-ли вновь и случится
На всемъ свѣтѣ, братъ мой!..
Вездѣ люди, а я *одинъ*—
Сатана проклятый!...

IX.

Чрезъ недѣлю ужъ Максима
Взяли изъ криницы,
Здѣсь же его схоронили;
Большую каплицу
Поставили громадою,
А его криницу
Москалевою назвали....

Тогда... бѣжалъ я къ гайдамакамъ.
Да вмѣсто ихъ въ Сибирь попалъ.
(Вѣдь здѣсь тогда Сибирь была..)
И пропадаю какъ собака,
Какъ тотъ Іуда.... Помолись,
Молися Богу, милый сынъ мой,
На нашей славной Украинѣ,
На той веселой сторонѣ....
Авось полегче будетъ мнѣ?...

КНЯЖНА.

Поэма.

КНЯЖНА.

ПОЭМА.

Звѣзда моя вечерняя,
    Взойди надъ горою!
Побесѣдуемъ въ неволѣ
    О многомъ съ тобою.
Разскажи, какъ за горою
    Солнышко сіяетъ;
Какъ весло въ Днѣпрѣ широкомъ
    Воду разсѣкаетъ;
Какъ плакучая береза
    Вѣтви распустила;
Какъ надъ озеромъ осина
    Листья опустила,
По водѣ какъ разостлала
    Зеленыя вѣтки,—
Некрещеные межъ ними
    Колышутся дѣтки.
Оборотень на могилѣ,
    Въ полѣ какъ ночуетъ;
Какъ сычъ въ лѣсу да на крышѣ
    Несчастье вѣщуетъ;

Какъ папортникъ на долинѣ
Ночью *расцвѣтаетъ*;
Про людей же... нѣтъ, не нужно,
Я самъ этихъ знаю.
Знаю, знаю! .. Звѣзда моя,
Другъ ты мой единый!
Ты не знаешь, что творится
Въ нашей Украинѣ;
Я же знаю, разскажу я
Тебѣ понемногу,
А ты завтра тихохонько
Передай все Богу.

Село!.. и сердце сладко стынетъ....
Село на нашей Украинѣ—
Игрушка словно, то село
Зеленымъ лѣсомъ обросло.
Цвѣтутъ сады, бѣлѣютъ хаты,
А на горѣ стоятъ палаты,
Какъ будто чудо, и кругомъ
Широколистые тополи;
А дальше лѣсъ, и лѣсъ, и поле,
И горы, горы—за Днѣпромъ.
Самъ Богъ витаетъ надъ селомъ.

Село, село! бѣлѣютъ хаты,
Бѣлѣютъ издали палаты,—
Вамъ лучше-бъ терномъ порости,
Чтобъ людямъ слѣда не найти,
Чтобъ и не знали, гдѣ искать васъ...
Въ село то барское пришли
(Богъ вѣсть откуда прибрели):
Пришелецъ князь и съ нимъ княгиня;

Лишь повѣнчалися они:
Зажили весело, богато.
Стоятъ огромныя палаты,
И далеко въ лугу село
Надъ рѣчкой маленькой легло

Въ селѣ томъ весело жилось:
Бывало, лѣтомъ и зимою
Оркестръ гремѣлъ, вино рѣкою
На барскихъ пиршествахъ лилось;
А князь межъ пьяными гуляетъ,
Вино самъ въ кубки наливаетъ,
И пьетъ его, кричитъ: „*Виватъ*".
Пируетъ князь, пируютъ гости,
Пока не лягутъ на помостѣ. . .
На завтра снова оживаютъ
И снова пьютъ, и вновь гуляютъ

Княгиня взаперти сидитъ:
Ее и въ сѣни не пускаетъ
Веселый князь. Кого-жъ винить?
Сама бѣжала, повѣнчалась!
Отецъ и мать вѣдь не пускали:
„Въ знать, говорили, не залазь!"
Такъ нѣтъ, за князя. Вотъ и князь!
Вотъ и сидитъ теперь княгиня.
Погибнешь, бѣдная, погибнешь,
Какъ гибнетъ ранній цвѣтъ весной!
Увянешь, жить тебѣ немного;
Не будешь знать, какъ славятъ Бога,
Не будешь знать любви святой. . .
А жить такъ бѣдненькой хотѣлось....
Хотѣлось жить ей и любить,

Хоть годъ, хоть часъ, хотя мгновенье
Любовью сердце усладить.

Да не пришлось.... А, много, много,
Всего надарила
Мать старуха, и личико
Красой наградила.
Жила бы ты, людей добрыхъ
Добромъ награждала,
И Божьею красотою
Міръ бы украшала.
Такъ нѣтъ: нужно молодыя
Да карія очи
Чтобъ тускнѣли, увядали,—
Вѣрно Богъ такъ хочетъ.
Боже, Боже! даешь разумъ,
Даешь сердце, волю,
Красу даешь, совѣсть, душу,
Да не даешь доли!
Не даешь на міръ веселый,
На Твой міръ великій,
Наглядѣться, намолиться
И уснуть на вѣки.

Невесело на свѣтѣ жить,
Всю жизнь скучать и не любить.
Пришлося такъ и героинѣ,
Моей молоденькой княгинѣ,
Красу и сердце изсушить
И даромъ жизнь свою прожить.
Вѣдь страшно!... А она молила,
И жизнь у Господа просила,—
Теперь ужъ есть кого любить:

Она ужъ матерью ходила,
И утѣшалась, и любила
Свое дитя; и далъ дожить
Господь ей радости на свѣтѣ:
Дитя увидѣть, цаловать,
И первый лепетъ услыхать.

Слезы высохли, пропали,
Солнце просіяло;
И княгиня, съ своей дочкой,
Не той уже стала:
Будто вновь она родилась,
Пѣла, веселилась,
И княжнѣ, своей малюткѣ,
Рубашечки шила,
Рукавчики на сорочкѣ
Шелкомъ вышивала,
И нянчила, и купала,
Сама колыхала,
И пьянаго мужа—князя,
Къ ней не допускала;
И ноченьку всю надъ нею
Сидѣла, не спала:
Все глядѣла, любовалась
Дочкою своею;
Въ мечтахъ замужъ выдавала,
Радовалась съ нею
И плакала, долги косы
Уже расплетала;
А ребенку словно снится,
Сказать словно хочетъ:
„Не плачь, мама, и не трогай

Мои длинны косы—
Посѣкутся....“

Летятъ годы за годами,
Время улетаетъ;
Пришла пора—и княгиня
Наша умираетъ.

Не стало въ томъ селѣ княгини;
Веселье снова началось
Безъ матери княжна-малютка
Сироткой бѣдной осталась.
И не умытая, босая....
Умойся, бѣдная: родная
Глядитъ съ небесъ, не узнаетъ
Между дѣтьми дитя свое;
И думаетъ: тебя не стало.
Умойся, сердце, чтобъ узнала
Тебя, любимицу свою,
И Господа благословляла
За долю добрую твою.
Умылася. Нашлися люди.
Съ собою въ Кіевъ отвезли
Ее учиться. А что будетъ,
Узнаемъ послѣ.

Гуляетъ князь, гуляютъ гости,
Ревутъ палаты и помосты,
А голодъ царствуетъ въ селѣ.....

Проходятъ годы, люди гибнутъ,
Лютуетъ голодъ въ Украинѣ,
Лютуетъ въ княжескомъ селѣ

Скирды у князя погнили,
А онъ не думаетъ, гуляетъ,
Жида съ деньгами поджидаетъ,—
Но нѣтъ жида. Хлѣба̀ взошли,
И рады люди, Бога просятъ.
И вотъ изъ Кіева привозятъ
Княжну: какъ солнышко взошло
Надъ обокраденнымъ селомъ.

Черны брови, кари очи—
Вся въ свою родную;
Только грустная немного
Отчего-жъ тоскуетъ?
Иль, быть-можетъ, ужъ такою
Она уродилась,
Иль, быть-можетъ, молодая
Ты и полюбила
Полюбила? Нѣтъ не любитъ.
Весело гуляла,
Какъ ласточка изъ гнѣздышка,
Она вылетала
На свѣтъ въ Кіевѣ, селеній
Пока не видала;
Но увидѣвъ, загрустила
И затосковала.

Въ лѣсу кутежъ: кричатъ, гуляютъ,
Поютъ всѣ пѣсни, и трещитъ
Тамъ женскій хохотъ; завываетъ,
Реветъ хозяинъ: „будемъ пить,
Пока въ покояхъ дочка спитъ!“

Княжна же взаперти сидитъ
Въ своемъ обширнѣйшемъ покоѣ

*

И смотритъ въ небо. Надъ горою
Краснѣетъ мѣсяцъ и горитъ,
Изъ тучи тихо выплываетъ:
И горы словно оживаютъ,
И дубъ въ дубравѣ, и сосна,
Какъ—будто ночью отдыхаютъ;
И филинъ стонетъ, и сова
Изъ лѣса въ поле вылетаетъ;
И соловьи въ садахъ поютъ.
Глядите, очи молодыя,
Какъ звѣзды Божіи встаютъ,
Какъ всходитъ мѣсяцъ и краснѣетъ:
Глядите вы, пока васъ грѣетъ,
А звѣзды спать вамъ не даютъ.

Головкою молодою
На руку склонилась,
До полуночи, бѣдняжка,
Мечтой уносилась
Она въ Кіевъ. Все мечтала,
Потомъ плакать стала:
Можетъ, сердце ей про горе
Тихо прошептало.
Да что-жъ дѣлать? поплакала,
Потомъ улыбнулась,
Помолилась, въ постель легла
И тихо уснула.

Въ лѣсу все кучею лежало:
Бутылки, гости, гдѣ упали,
Тамъ и остались. Князь не спалъ,
Стаканъ послѣдній допивалъ,
И тотъ допилъ. Онъ всталъ, не падалъ,

Идетъ въ покои. Скверный гадъ!
Куда полѣзъ? ступай назадъ!...
Идетъ онъ дальше, вынимаетъ
Ключи и двери отпираетъ.....
И къ дочкѣ крадется!... Проснись!...
Нѣтъ не проснулась—она спитъ,
А Богъ хоть видитъ, но молчитъ,
На грѣхъ великій онъ взираетъ.
Все тихо. Время улетаетъ....
Вдругъ слышенъ стонъ, потомъ кричатъ,
И плачъ несется изъ палатъ!
Проснулись совы; потомъ снова
Утихло все. И въ этотъ часъ
Со скирдъ высоко поднялась
Волна огня. Хотя бы слово,
Хотя-бъ кто голосъ услыхалъ:
Паны отъ пьянства очумѣли,
Сбѣжались люди и глядѣли,
Какъ дымъ багровый улеталъ.

Стоитъ село. И все также
Палаты высятся:
Почернѣли. Князь въ постелѣ
Не въ силахъ подняться;
Присмотрѣть его, утѣшить
Никто не являлся:
Всякій хилымъ и недужнымъ
Грѣшникомъ гнушался.
Люди вскорѣ отдохнули,
Бога умоляютъ:
Возвратилъ бы онъ княжну имъ,—
Нѣтъ, не возвращаетъ.
Нѣтъ ея... да и не будетъ.

Гдѣ же она скрылась?
Убѣжала—и въ Кіевѣ
Въ черницы постриглась.

Блуждая долго въ Украинѣ,
Попалъ я какъ-то въ Чигиринъ,
Тамъ монастырь тогда стоялъ.
Въ монастырѣ я томъ узналъ
Все про княжну. Тамъ мнѣ сказала
Монашка: будто бы пришла
Моя княжна изъ-за Днѣпра;
Ужь третій годъ, какъ здѣсь явилась
И Богу душу отдала.
Пришла больная и лежала
Она всего недѣльки три;
Она подробно разсказала,
Все мнѣ, и Ксеніи сестрѣ
И умерла. Она ходила
Къ какимъ-то праведнымъ мѣстамъ;
Ея святая здѣсь могила,—
Еще не ставили креста.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДОЛЯ.

Ты не лукавила со мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Была бѣдняжкѣ. Ты взяла
Меня за маленькую руку
И въ школу мальчика свела
Къ дьячку гулящему въ науку.
„Учись, учись, мое дитя!
Мы въ люди выйдемъ.“ Ты сказала.
И я послушался тебя,
И научился... Ты-жъ солгала...
Что мы за люди?... Не бѣда!
Мы не лукавили съ тобою,
Мы просто шли и нѣтъ зерна
У насъ неправды за собою.
Пойдемъ же, долинька моя,
Мой другъ правдивый, нелукавый!
Пойдемъ мы дальше, дальше слава,
А слава—заповѣдь моя!

МУЗА.

Моя муза дорогая,
Сестра Феба молодая!
Меня ты на руки взяла,
Далеко въ поле отнесла.
И на могилѣ, среди поля,
Ты, словно волю на раздольѣ,
Сѣдымъ туманомъ облекла;
И усыпляя напѣвала,
И чары дѣлала... и я...
Мой другъ, волшебница моя!
Ты мнѣ повсюду помогала,
Повсюду, звѣздочка моя,
Ты не тускнѣла, ты сіяла!...

Въ степи далекой, на чужбинѣ,
Въ далекой неволѣ,
Ты въ оковахъ томилася,
Какъ цвѣточекъ въ полѣ:
Изъ казармы удушливой
Чистою, святою
Вылетала, какъ пташечка:
Пѣсни распѣвала,

Будто водой живучею
Душу обновляла.

И я живу, и надо мною
Своею Божьею красою
Витаешь ты, мой херувимъ,
Золотокрылый серафимъ,
Моя утѣха ты святая,
Моя ты доля молодая!
Не покидай меня въ ночи,
И днемъ, и вечеромъ, зарею
Ты будь со мною... и учи!
Учи не лживыми устами
О правдѣ пѣть, и помоги
Допѣть мнѣ пѣсню, дорогая;
Когда же я умру, родная,
Тогда меня похорони,
И слезу преданнаго друга
Изъ глазъ безсмертныхъ урони!

Л—Ѣ.

И широкую долину,
И родимую равнину,
И то время, что умчалось
О чемъ снилось, что мечталось—
Не забуду я.

Что-жъ такое?... Не сошлися
Мы съ тобою, разошлися;
Быстро, быстро дорогіе,
Годы наши молодые
Быстро пронеслись.

Устарѣли мы съ тобою;
Я въ неволѣ, ты съ тоскою—
Дни свои мы доживаемъ
И тѣ годы вспоминаемъ,
Какъ жилося намъ.

КОСАРЬ.

Косарь по полю идетъ.
Не покосы онъ кладетъ.
Не покосы кладетъ—горы.
Стонетъ земля, стонетъ море,
Стонетъ и гудетъ.

Косаря того въ ночи
Провожаютъ лишь сычи.
Бьетъ косарь не отдыхая,
Никого не уважая—
Хоть и не проси.

Не моли и не проси:
Не опуститъ онъ косы,
Городъ ли, село ли встрѣтитъ.
Словно бритвой старикъ брѣетъ
Все, что на пути.

Всѣ равны—мужикъ, шинкарь,
Сиротинушка кобзарь:
Припѣвая, старикъ коситъ:
Онъ горой кладетъ покосы,
. . . .

И меня онъ не минетъ,
Въ сторонѣ чужой убьетъ,
За рѣшеткою задавитъ,
Никто креста не поставитъ
И не помянетъ.

---

*
* *

Росли дѣтьми они, взросли:
Играть, смѣяться перестали...
Какъ будто вправду разошлись,
Опять сошлися, повѣнчались,
И тихо, весело прошли,
Душою, сердцемъ неповинны,
До дней послѣднихъ, до могилы,
А жили, вѣдь, они съ людьми.
Подай и намъ, всещедрый Боже,
Какъ и они, цвѣсти, рости,
Такъ пожениться и идти;
Не спотыкаясь на дорогѣ,
Въ міръ лучшій тихо перейти.

Барвинокъ цвѣлъ и зеленѣлъ,
Въ саду разстилался;
Но морозецъ передъ свѣтомъ
Въ садикъ тотъ прокрался,
Истопталъ цвѣты и травку,
Побилъ, изморозилъ.
Жаль мнѣ стало барвиночка,
Да жаль и мороза.

*
* *

Огни горятъ, оркестръ играетъ,
Онъ плачетъ, стонетъ, завываетъ
Алмазомъ чуднымъ, дорогимъ,
Блистаютъ очи молодые:
Мечты, надежды золотыя—
Въ очахъ веселыхъ. Сладко имъ,
Очамъ безгрѣшнымъ, молодымъ.
Вездѣ веселье, всѣ смѣются
И всѣ танцуютъ; только я
Веселья, радости боюся
И горько, горько плачу я.
О чемъ же плачу? Сердцу жутко,
Что безполезно, словно шутка!
Минула молодость моя.

---

*
* *

Отчего мнѣ тяжко, отчего мнѣ трудно?
Зачѣмъ, сердце, плачешь, рыдаешь, кричишь
Ребенкомъ голоднымъ?... Чего тебѣ нужно,
Чего ты желаешь, зачѣмъ ты болишь?
Сонъ ли тебя клонитъ, иль пищи ты хочешь?
Усни, мое сердце, на вѣки усни,
Холоднымъ, голоднымъ... на свѣтъ не гляди,
На людей безумныхъ... Закрой сердце очи! .

ЗАВѢЩАНІЕ.

Когда умру, похороните
Вы меня въ могилѣ,
Среди луга широкаго,
На Украйнѣ милой;
Чтобъ долины, степи, горы,
Днѣпръ и его кручи
Были видны, было слышно,
Какъ реветъ могучій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОЭМЫ.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ конторѣ типографіи А. И. Мамонтова и К°, Москва, Леонтьевскій переулокъ, № 5, продаются слѣдующія изданія Н. И. Мамонтова:

Шевченко, Т. Г. Кобзарь (поэммы: Марьяна, Неофиты, Гайдамаки, Невольникъ, Княжна, Москалева Криница и мелкія стихотворенія, переведенныя первый въ разъ). Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

І. Бертранъ. Алгебра Вып. І. *Предварительныя понятія и алгебраическія вычисленія.* Цѣна 30 к., съ пер. 35 к. Вып. ІІ. *Объ уравненіяхъ первой степени.* Цѣна 35 к., съ пер. 40 к. Вып. ІІІ. *Объ уравненіяхъ второй степени* оканчивается печатаніемъ.

К. Клаусъ. Основы зоологіи. Руководство для высшихъ учебныхъ заведеній (*Рыбы, голые и чешуйчатые гады*). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

К. Клаусъ. Основы зоологіи. Руководство для высшихъ учебныхъ заведеній (Вып. І. *Protozoa* и *Coelenterata*). Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. 75 к.

К. Клаусъ. Основы зоологіи. Руководство для высшихъ учебныхъ заведеній (Вып. ІІ. *Echinodermata. Vermes.* Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. 75 к.

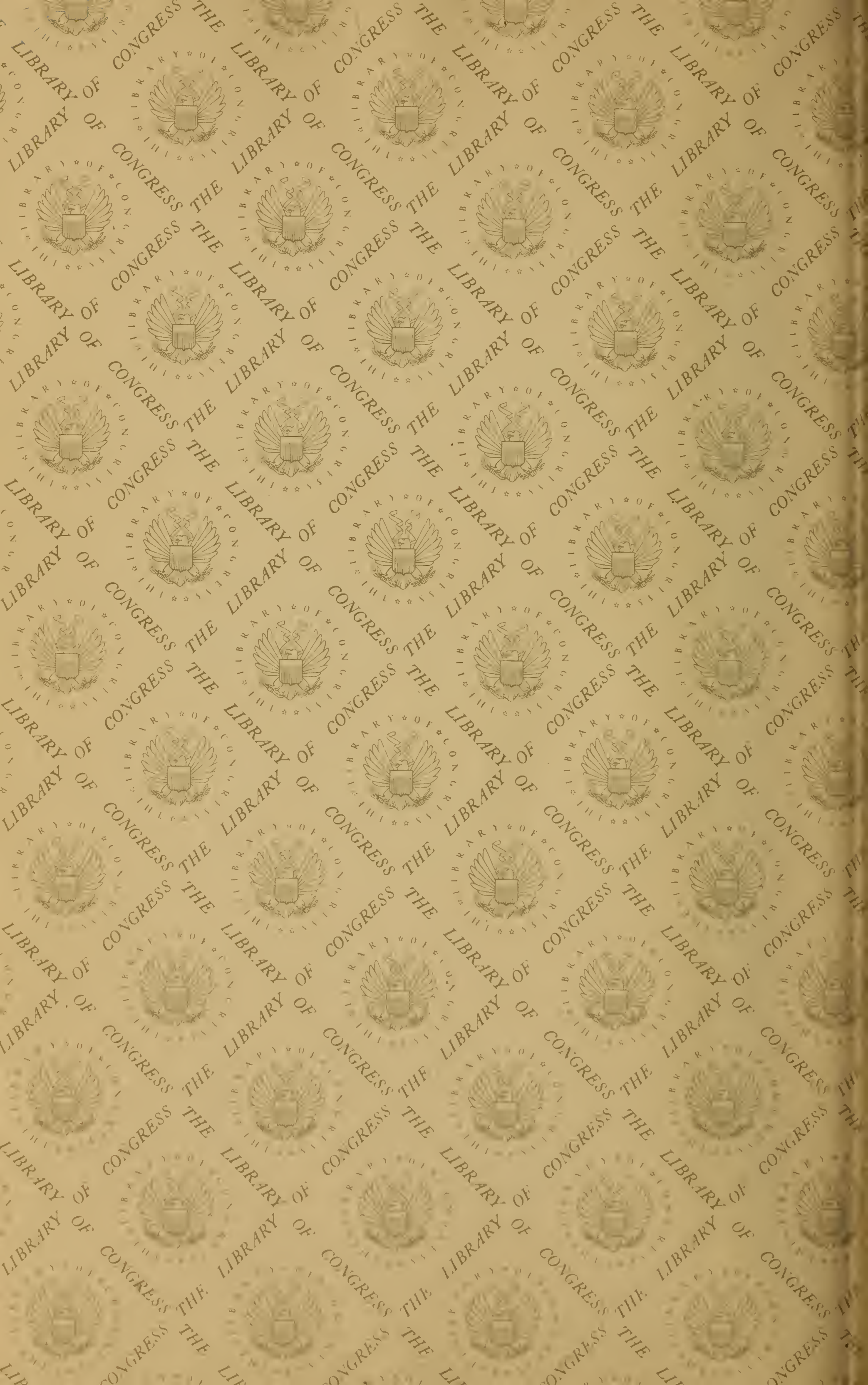
Г. Коппъ. Былое и современное химіи. Общедоступная лекція. Цѣна 30 к., съ пересылкою 50 к.

Хр. Людв. Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. Уходъ, прирученіе и разведеніе ихъ. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бертранъ. Вып. IV и V.
Клаусъ. Птицы и млекопитающіе.
Гохштэтеръ Ганнъ и Покорни. Физическая географія.
Жамэнъ. Физика (Petit traité de physique).
Траутшольдъ. Палеонтологія.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.


THE LIBRARY OF CONGRESS